

КАЛИП

ПРОТИВОРЕЧИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

KaLip

18+

Ка Лір

Противоречия любви

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Lip K.

Противоречия любви / К. Lip — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Дочь цыганского барона, и тот, кто не задумываясь разрушил ее жизнь.
Криминальный авторитет и цыганка. Судьба столкнула переплетя их судьбы
в неразрешимый клубок противоречий. Обложка от художника: Valery Frost.
Фото для обложки с shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Противоречия любви
Автор KaLip

Глава 1

Конь легко преодолевал пространство, и далекая кромка леса в конце поля стремительно приближалась. Девушка, чуть склонившись к шее коня, смотрела вперед, чувствуя, как ветер срывает слезинки с ее ресниц.

– Красиво скачут, – смотря из приоткрытого окна машины, сказал Гер и продолжил следить глазами за огненно-рыжим в лучах летнего солнца конем и сидящей на нем девушкой в цветастой юбке. – Это и есть дочь барона?

– Да, это она, – Ковало тоже следил взглядом за всадницей. Эта картинка завораживала своей абсурдностью. В нынешнее время увидеть скачущую на коне цыганку можно, наверное, только в кино. Но это была не постановочная сцена. Конь был настоящим, и девушка на нем – самая настоящая дочка цыганского барона.

Гер, устав смотреть, откинулся на мягкую спинку сиденья и поднял тонированное окно их джипа, вернув салону прохладу. Теперь марево и ароматы лета не проникали внутрь машины, а кондиционер моментально вернул комфортную для пассажиров температуру. При этом добавив в воздух искусственных ароматизаторов вместо естественных запахов летнего поля. В салоне стало, как всегда, привычно и комфортно.

– Так сколько она еще скакать будет? – в голосе Гера прозвучали нотки раздражения.

– Там, в конце поля, наши люди ее ждут. Она всегда по одной и той же тропинке ездит, вот я их туда и поставил. Так что скоро доскачется.

Ковало ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу идеально отглаженной белой рубашки.

– Скорость прибавь, – сказал он и хлопнул по плечу водителя.

– А как ты ее с коня снимешь?

Гера ждали дела в Москве. Поимка дочери барона тоже была важным делом, но всё-таки не настолько, чтобы из-за этого провести весь день за городом, любуясь на поселковые пейзажи.

– Сама упадет, – неопределенно ответил Ковало и достал из кармана зазвонивший телефон.

Гер слышал, что Ковало переговаривается со своими людьми. А сам он, открыв планшет, решил проверить почту, чтобы не терять время и, пока они едут, прочесть деловую переписку.

Дара ощущала полет. Она летела над полем, как будто у нее были крылья за спиной. Как же она любила свободу! И только вот так, скача через поле на коне, можно ощутить это чувство полета над землей. Поле, усеянное россыпью цветов, на такой скорости сливалось в пестрый ковер. А воздух, раскаленный лучами полуденного солнца, был пропитан ароматами лета. От всего этого кружилась голова, и так хотелось продлить чувство эйфории. Но поле стремительно заканчивалось. И вот уже впереди появились первые деревья, а дальше – тропинка, по которой она постоянно ездит к лесному озеру.

Девушка, уверенно натянув поводья, перевела коня в рысь и направила его по неширокой тропинке. Еще разгоряченный скачкой конь нервно приплясывал и пытался ускорить темп, адреналин в его крови от такой скачки не исчез, и он хотел продолжить бег. Но его всадница не позволяла этого, так как быстрее ехать между деревьев было опасно: можно и не успеть пригнуть голову, и тогда шишка на лбу обеспечена.

Тропинка вывела всадницу на широкую грунтовую дорогу, которую нужно было пересечь, чтобы опять углубиться в лес.

Дара не ожидала, что прямо перед ее конем появится джип, который еще и затормозит, подняв клубы пыли и противно взвизгнет тормозами. Она потянула поводья на себя, чтобы конь успел остановиться, да тот и сам, видя перед собой неожиданно возникшее пре-

пятствие, шарахнулся в сторону. Ей удалось удержаться в седле, но из-за поворота показались еще машины, которые отрезали ей путь назад. Причем подъезжающие машины так же резко тормозили, поднимая пыль и создавая шум, еще больше распалаяющий и так напуганного коня.

Рыжий жеребец попятился назад, а затем поднялся на свечку, отрывая передние ноги от земли. Всадница пыталась удержаться на нем, но при очередном резком подъеме вверх соскользнула с седла и упала ему под ноги. Конь почувствовал, что он свободен, метнулся в сторону. Только треск ломаемых веток кустов говорил о направлении его бега.

Из подъехавших машин стали выходить мужчины, одетые в строгие, явно недешевые костюмы, и подходить к сидящей на земле девушке. Они обступили ее плотным кольцом, с интересом разглядывая.

Приземлившись, Дара почувствовала всю жесткость дороги и несколько секунд даже не могла вдохнуть, настолько болезненным оказалось падение. Она так и сидела, опустив голову, и пыталась переждать боль.

Гер с Ковало, выйдя из машины, прошли сквозь расступившуюся перед ними охрану к девушке и остановились, рассматривая ее. Пестрая цыганская юбка окружала ее, как цветастый круг, а в центре этого пестрого цветника сидела она. Только лица девушки не было видно из-за растрепавшихся длинных волос. Гер впервые видел такие длинные волосы.

«Наверное, они даже ниже ее талии», – подумал он, рассматривая девушку.

– Эй, чудо лохматое, голову-то подыми, – устав рассматривать так и не поднявшую голову цыганку, произнес Ковало.

Дара вздрогнула от неприятного тона этого мужчины и подняла голову. Она медленно обвела взглядом стоящих вокруг нее людей. Стараясь не выдать своего страха, она смотрела на них и понимала, что так выглядят охранники в гангстерских боевиках – костюмы, белые рубашки. Все высокие, широкоплечие и стриженные, как в одной парикмахерской, а лица такие, что невольно начинают трястись поджилки. Но она не позволила страху завладеть ею. Постепенно переводя взгляд от одного лица на другое, она увидела его. Он отличался от остальных, по его виду было понятно – он главный. Небрежно расстегнутая на несколько пуговиц рубашка без галстука, в вырезе которой поблескивали звенья цепочки; пиджак, сидящий как влитой на его коренастой фигуре, и взгляд, сканирующий ее.

Ее взгляд привлекли часы на его руке, поблескивающие на солнце, и золотой браслет. На пальцах у него была надета пара массивных колец. Он был на голову ниже своей охраны, но то, что он здесь главный, она не сомневалась – от него исходила аура власти. Она подняла глаза и столкнулась с его безразличным взглядом – он тоже рассматривал ее. «Так смотрят на зверюшек в зоопарке», – почему-то подумалось ей, и произнесенные им слова подтвердили это.

– Экзотическая штучка.

Гер, наконец, оторвал взгляд от действительно экзотических глаз девушки, похожих на глаза олененка Бемби из Диснеевского мультика.

– Ковало, мы много времени потеряли на всё это, – он кивнул в сторону девушки. – Я жду тебя в машине.

Сказав это, мужчина удалился. А Дара, смотря ему вслед, заметила, что на его руках есть татуировки. Небольшая часть рисунка при движении выглядывала из-под манжет рубашки и, судя по рисунку, уходила вверх по руке.

Тот, кого он назвал Ковало, шагнул к Даре и, схватив ее за плечо, дернул вверх. Она закусил губу от боли в пояснице, но встала и попыталась сбросить с плеча руку. Только вот на это движение мужчина больно сжал плечо и, тряхнув ее, произнес:

– Тебя сейчас отвезут к нам. Пока поживешь там. Не делай глупостей – я этого не люблю. Надеюсь, твой папаша тоже не будет делать глупостей, и тогда получит тебя целую и здоровую.

Ковало перевел взгляд на стоящего рядом с ними мужчину.

– Забирай ее. Что делать, ты знаешь.

После этих слов он толкнул девушку, которая, просто не ожидая этого, чуть ли не упала в руки другого мужчины. Он поймал ее и, обхватив за талию, потащил к машине.

События, развивающиеся с такой скоростью, не давали даже возможности осмыслить происходящее. Одно Дара поняла – ее сейчас куда-то увезут. Этого не должно произойти – только не с ней! Ей стало страшно и обидно, что всё так произошло, и она стала вырываться из рук того, кто ее тащил. Хотя все ее попытки вырваться были совершенно бесполезны. Наверное, этот здоровяк и не заметил ее трепыханий. А потом к лицу прижали вонючий платок, и реальность стала расплываться на цветные обрывки. И на этом всё закончилось.

Здоровяк, почувствовав, что девушка обмякла, подхватил ее на руки и донес до большого джипа-фургона. Он грубо бросил ее на пол между сиденьями. Трое мужчин сели внутрь и с безразличным видом смотрели на девушку, лежащую без сознания у них в ногах. Остальные сели по машинам, и вся кавалькада двинулась на выезд с этой проселочной дороги.

Сидя в салоне машины и ощущая свежесть кондиционера, Гер наблюдал дорогу сквозь тонированное стекло и вспоминал дочку барона. В целом она выглядела как настоящая дочка цыганского барона, он даже слегка удивился этому. В современном мире смешно выглядеть как цыганка из прошлого века. Хотя на этой девчонке всё смотрелось гармонично, даже ее иссиня-черные выющиеся волосы нереальной длины. И ее экзотической внешности подходят эти пестрые наряды.

– Что скажешь о цыганке? – Гер смотрел в окно, ожидая ответа от Ковало.

– Ты сам сказал – экзотическая штучка. Одни глаза чего стоят – как у олененка, чернющие... – он вспомнил, как она смотрела на всех своим черными как ночь глазами.

– Понравилась?

Ковало почувствовал странные нотки в голосе Гера.

– У меня Ирэн. Конечно, глаза у нее не такие, да и волосы не ниже попы, как у этой. Но знаешь, я свою уже нашел. Так что не переживай.

– С чего ты решил, что я переживаю? – Гер и сам не понимал, зачем он начал этот разговор. Хотя, нет, понимал. У него были планы на эту девчонку, а делиться своими женщинами он не привык, даже если потом они становились ненужными.

– Ты же собственник, я тебя знаю. Кстати, не передумал с ней развлекаться?.. Говорят, цыганки девственность до замужества берегут.

– Это пусть она своего папеньку уверяет в своей девственности. Думаю, она давно ее потеряла... Кто сейчас таким заморачивается? Ей ведь уже двадцать.

– Судя по тряпкам, что на ней надеты, наверное, у них строго с традициями.

Ковало еще раз вспомнил этот наряд на ней: настоящая цыганская юбка с крупными цветами, кофта со свободными рукавами и масса браслетиков на руках, которые позвякивали, когда он поднял ее с земли. Зря, конечно, так грубо... Но привык он с разными отморозками общаться, наверное, по привычке и схватил ее так же. Синяки на плече останутся....

– Если у них принято ряжеными ходить, то это еще не значит, что и всё остальное у них как в каменном веке соблюдается. И вообще всё это мне не интересно. Меня этот барон за всё время переговоров так достал, что теперь я на его дочке отыграюсь. Хочу трахать ее, а потом ехать к этому цыгану и вести с ним переговоры. Должен же я моральную компенсацию за его упертость получить?

Ковало лишь неопределенно пожал плечами. Он и сам уже устал от этих бесконечных переговоров с упертым бароном. Эти цыгане вообще не входили в их планы. Элитный подмосковный район, где отстроили свои коттеджи богатенькие, нужен им. Эти земли стоят слишком дорого, да еще и подпольный цех по фасовке наркотиков располагается здесь, в небольшом городке. Удобное расположение и потенциальных покупателей масса, да и как перевалочная база тоже неплохое место. Но, видно, и цыгане тоже под себя всё это облюбовали. И ни в какую

не хотели уступать. Но Гер тоже не привык сдаваться, и с этого всё закрутилось. На открытую войну никто из двух группировок не шел, а мирные переговоры зашли в тупик.

– Хорошая идея была – взять эту дочку себе, – отвлекшись от своих мыслей, произнес Ковало. – Может, теперь папенька посговорчивей станет... Хотя, говорят, что у цыган детей много. Возможно, он ее потери и не заметит.

– Ну не заметит, значит, наиграюсь и отпущу. Пусть идет к своим. Кстати, когда с бароном встреча?

– Завтра в пять вечера.

– Отлично. Вот завтра всё и станет ясно, – Гер перевел взгляд от окна и опять открыл свой планшет. – Ты за этой присматривай, чтобы всё нормально было. А то еще выкинет какой фортель – мне самоубийства не нужны, и вообще проблемы с ней не нужны. Попользуюсь и верну, трупы сейчас в мои планы не входят.

– За это не переживай. Я своим людям четкие указания дал. Да и сам подъеду – проверю, что да как. Ты сам когда к ней поедешь?

– Через недельку... У меня много встреч в Москве, да и с Лерой обещал на выходные на Канары слетать.

Гер вспомнил о Лере и обещании ей. Особо желания лететь на эти Канары не было, но ведь Лера не отстанет. Он уже давно хотел с ней порвать – слишком надоедлива она стала в последнее время. И почему вообще он с ней так долго? Наверное, потому что особо и некогда было думать об их отношениях. В целом всё было неплохо: если на какой важный прием пойти – Лера всегда по звонку готова. Да и с ним смотрится хорошо – высокая эффектная блондинка с хорошими буферами и в меру накачанными губами. И в постели с ней нескучно – всё делает. Вот только если бы еще и молчала, тогда бы цены не было. Ее глупые разговоры он выносил с трудом, в основном отвлекаясь на телефонные звонки.

Гер был рад, что машины, минув МКАД, наконец въехали в город. Он не любил всё, что за МКАДом, это не его мир. Его мир – город, цивилизация и все блага, связанные с ней.

Дара долго приходила в себя. Неприятный привкус во рту и шум в голове, боль в спине, пояснице и мягком месте. Всё это не давало ей сосредоточиться и понять, где она вообще. Наконец, опираясь на руки, она приподнялась и огляделась. Комната была большой. Она перевела взгляд на окно – еще день, значит, она не так долго была без сознания. Хотя летние дни длинные, и неизвестно, сколько сейчас времени. Опять ее взгляд заскользил по комнате: красивая мебель, шторы на окне, плоский экран телевизора на стене, зеркало-трюмо и бархатный невысокий пуфик рядом с ним. Небольшой стол и несколько стульев, ковер, обои с золотыми вкраплениями, диванчик с подушечками. Всё смотрелось красиво и, наверное, стоило недорого, но в таких вещах она не разбиралась. Просто чувствовала, что вещи дорогие.

Затем ее взгляд упал на кровать, на которой она сидела. Кровать была большой – двуспальной – и стояла так, что с двух сторон к ней можно было спокойно подойти. Покрывало на кровати было шелковым, поверх разбросаны подушечки разных размеров, тоже шелковые.

Такой размер кровати ей не понравился, но она отогнала от себя лишние мысли – нельзя раскисать, нужно держаться.

Она попыталась встать с кровати. Тело затекло, и от этого было больно, но она всё-таки встала, и, держась за мебель, побрела к двери. Конечно, дверь была заперта. Подергав ручку, Дара перевела взгляд на другую дверь в противоположном конце комнаты. Добредя до нее, она нажала на ручку, и дверь открылась. Это была ванная комната. Тоже большая и тоже, наверное, дорогая. Душевая кабина, как космическая капсула: изящная ванна, огромное зеркало в полстены и стильный унитаз с хромированной фурнитурой. При этом в ванной было всё, что нужно: гели, шампуни, полотенца.

Дойдя до раковины, Дара стала пить из-под крана воду, чтобы убрать неприятный привкус во рту. Скорее всего, это от лекарства, которое её заставили вдохнуть, чтобы она отключилась. Затем она долго умывала лицо. Вода привела ее мысли в порядок, и теперь нужно было спокойно всё обдумать.

Вернувшись из ванной, она подошла к окну. Толстые прутья решетки не оставляли шансов на спасение. В окне был виден сад, дорожки, клумбы с цветами – и больше ничего. Кричать тоже глупо – такие поместья огромны, не докричишься, чтобы соседи услышали.

Но ведь можно разбить окно, стеклом порезать вены... Нет, нельзя. Отец не бросит свою дочь. Он ее обязательно спасет. Значит, нужно ждать.

– Дадо, – еле слышно прошептала Дара, – папочка, – уже по-русски произнесла она, – спаси меня.

Глава 2

Эскорт остановился у обочины. Впереди на дороге уже стояли машины цыган. Гер, бросив взгляд на них, отметил, что, глядя на этих людей, и не подумаешь, что это цыгане. Машины у всех последних моделей, новые, дорогие. Да и стоящие рядом с ними люди тоже не были похожи на тех цыган, образы которых возникали в голове на основе кинофильмов. Хотя, конечно, во внешности стоящих у машин мужчинах и было много цыганского. Все они были смуглыми, темноволосыми. У многих вились волосы, да и золотые украшения они явно любили. Наверное, это им с молоком матери передается. У каждого цепь на шее, толстая золотая цепь на запястье и кольца. Гер и сам любил украшения, только они у него все были изысканные, дизайнерские, и подбирались под его стильные костюмы. А эти, видно, навешали на себя всё, что было, аж глаза слепит от такого блеска. Хоть современные цыгане и были одеты в костюмы, но почему-то на них даже деловые костюмы смотрелись странно. То ли из-за ярких рубашек под стильными темными пиджаками, то ли их лица не очень соответствовали презентабельной одежде.

Гер дождался, когда охранник откроет ему дверь, и вышел из машины. Ковало, как всегда, шел чуть впереди, прикрывая его собой. Гер улыбнулся этому – сколько лет они уже вместе. Хоть и не друзья, а в преданности Ковало он не сомневался. Сзади и по бокам от Гера шли его люди – охрана с переговорными устройствами в виде проводков с наушниками в одном ухе. Все в строгих костюмах, хотя на таких широкоплечих и высоких парнях лучше бы смотрелся спецназовский прикид. Но Гер любил, чтобы его окружали хорошо одетые люди, и не позволял даже охране носить более соответствующую их деятельности одежду – только строгие костюмы.

Они подошли к ожидающим их мужчинам. Дверь большого Линкольна с тонированными стеклами открылась, и из машины вышел сам барон.

Гер уже встречался с ним, но не переставал удивляться каждый раз, видя его. Этот человек был как из прошлого – настоящий цыганский барон: смуглый, коренастый, практически одного с ним роста, широкоплечий. Такой точно подкову руками разогнет и в узел завяжет. И борода с усами, обрамляющие его лицо, завершали образ настоящего цыгана. Даже серьгу золотую в виде толстого кольца в одном ухе носил. Прямо как из театра «Ромэн» пришел – еще гитары в руках для завершения образа не хватает. Вот только происходящее между ним и Гером не было театром – это была жизнь.

– Здравствуй, Герман, – барон первым протянул Геру руку, которую тот пожал. – Я знаю, что моя дочь у тебя – верни мне ее.

За эту ночь Мирчи Чечар, узнав о похищении родной дочери, передумал и пережил столько, что сейчас не считал нужным выдерживать паузу и притворяться, что ему это безразлично. Он хотел знать ее судьбу и условия Полонского, на которых он ее отдаст.

– Любишь, значит, дочку... – Герман был рад, что барон не строит из себя бесчувственного родителя. Сразу показал, что это его сильно задело. – А что сразу по-нормальному дела вести не стал? Я тогда бы и дочку не тронул.

– А ты тронул ее? – глаза Мирчи недобро сверкнули.

– Пока нет... Но ты же знаешь, всё от тебя зависит.

Герман понимал, о чем беспокоится отец девчонки... Неужели она действительно нетронутая? Или это так ее отец считает. Хотя ему-то всё это совершенно без разницы.

– Итак, чего ты хочешь? – сухо произнес барон, смотря на стоящего перед ним мужчину примерно одного с ним возраста. Барон понимал, что эти переговоры ему легко не дадутся – на кону жизнь и честь его дочери. А в противовес – его ответственность перед табором за

их жизни и тот заработок, который позволяет им всем безбедно жить, да и другим цыганам помогать.

Герман кивнул в знак согласия начать переговоры, зная, что теперь у него в руках неоспоримый козырь.

Вечером в комнату, где находилась Дара, открылась дверь. В проеме возник охранник в стандартном костюме с белой рубашкой и проводком, идущим из уха к переговорному устройству. Он обвел взглядом комнату, а затем, отступив в сторону, пропустил внутрь женщину с тележкой, на которой стояла еда. Пожилая женщина с усталым отрешенным лицом механически сервировала стол. Закончив с этим, она вышла из комнаты, катя перед собой тележку. Охранник, пропустив ее, еще раз обвел комнату взглядом и закрыл дверь.

Все это время Дара стояла у окна и наблюдала за этим действием. Когда дверь закрылась, она подошла к столу. От стоящей на нем еды очень вкусно пахло. Несмотря на всё происходящее, она ощутила голод и желание поесть, но тут же одернула себя. Не должна она это есть. И вообще она должна что-то предпринять, чтобы спастись. Конечно, хорошо рассчитывать на отца, но она дочь барона и не будет есть пищу врага, не будет сидеть и ждать.

Всё это время Дара думала о произошедшем и искала пути спасения. Так и не найдя их сейчас, она приняла решение: первое – это ничего не есть, а второе – устроить в этой комнате погром, выразив тем самым свое возмущение по поводу всего произошедшего. Ничего более конструктивного за это время она не придумала. Да и какие еще варианты? Дверь заперта, на окне решетки, и охрана таких габаритов, что внушает ужас.

Дара обвела комнату взглядом. Конечно, красиво здесь, и на секунду в душе возникло сомнение – может, не стоит? Она вообще не могла что-либо разрушать. Это неправильно. Вот даже всё это, что ее окружает. Ведь люди вложили в это свой труд... Но только сейчас у нее нет другого выхода. Она подошла к вазе на столе и, взяв ее, обернулась к зеркалу-трюмо. Несколько секунд она пыталась сосредоточиться и убрать ненужные сожаления, а затем бросила вазу в зеркало. От звона стекла Дара вздрогнула и потом, открыв глаза, посмотрела на то, что она сделала. Видеть это было неприятно, но она решительно направилась в ванную комнату и там, взяв еще одну небольшую вазочку, бросила ее в зеркало на стене. Его осколки с мелодичным звоном осыпались на белый кафель. Дара стала сметать с полок стоящие там баночки шампуней и гелей.

Когда в ванной комнате больше нечего было бросать на пол и разбивать, она вернулась в комнату. Ее взгляд привлек телевизор на стене. Она сорвала его и, бросив на пол, стала прыгать на нем.

Окно ей удалось разбить только с третьей попытки. Бросить в него стул у нее не хватило сил, а от более легких предметов оно не разбивалось. Но всё-таки она добилась своего, и стекло, треснув, осыпалось на широкий подоконник.

Вот только еду на столе она не тронула. Ей с детства внушали уважение к еде. Кусочек хлеба, оброненный на пол, был страшным проступком, а выкинуть еду – о таком и речи не могло быть. Цыгане, веками переживающие голод, ценили еду и никогда не позволяли себе относиться к ней неуважительно. Поэтому после разгрома всего, в комнате только стол с едой оставался таким, каким и был.

На шум от происходящего в комнату заглянул охранник. Но он ничего не сказал, только быстро оценил масштаб разрушений и закрыл дверь. И всё, после этого никто к ней не заходил.

И когда в середине ночи Дара почувствовала, что мерзнет, так как из разбитого окна веяло ночной свежестью, она стала сомневаться в правильности своих действий. А на следующий день, когда к ней так никто и не пришел, она пожалела, что разбила телевизор. Ведь в доме отца она не могла его смотреть. Это было запрещено – телевизор смотрели только мужчины. Сейчас же она сама лишила себя такого блага и теперь сидела в полном бардаке на кровати,

кутаясь в покрывало и сходя с ума от происходящего. Конечно, телевизор бы сейчас скрасил ее существование, но она его разбила.

Переговоры с цыганами были долгими и практически бесполезными. Гер, уставший от всего этого, полулежал в машине и курил, смотря на колечки дыма.

Ковало понимал его состояние и не мешал ему. Затем он вспомнил о телефоне, у которого выключил звук. Взяв его, он увидел несколько пропущенных вызовов.

Полуприкрыв глаза, Гер слушал то, что говорит Ковало в телефон. Он в целом уже понял, что с этой девчонкой у них проблемы.

– Говори, – видя, что Ковало убрал телефон в карман, сказал Гер.

– Буянит.... Не ест, погром в комнате устроила, – сухо и кратко пересказал Ковало события, происходящие в особняке Полонского.

– Езжай туда и разберись. И помни – она мне нужна... Пока нужна.

Этот день тянулся бесконечно долго. Дара сходила с ума, ощущая, как время издевается над ней. Казалось, минуты растягиваются в вечность. Она так и сидела на кровати в эпицентре разрухи, теперь уже не зная, чем себя занять. Этой ночью она даже немного поспала, но с первыми лучами солнца проснулась и теперь просто ждала, что будет с ней дальше. И вот, наконец, дверь открылась. В нее вошел тот, кого звали Ковало.

Дара сгруппировалась и придала лицу безразличное выражение, хотя при виде этого налысо бритого мужчины с внешностью средневекового палача у нее всё холодело внутри. Вместе с Ковало в комнату вошли несколько его людей. Подойдя к девушке, они схватили ее и, стянув с кровати, подвели к стулу, на который и посадили, при этом продолжая держать ее. Только теперь Дара увидела в руках у Ковало миску. Судя по запаху, там была каша. Он подошел к ней, а дальше произошло то, чего она никак не ожидала. Один из охранников оттянул ей волосы назад, а Ковало, схватив за подбородок, заставил ее открыть рот. Воспользовавшись этим, он впихнул ей ложку с кашей в рот.

– Жри, – грубо сказал он, и следующая ложка с кашей опять оказалась у нее во рту.

Ничего другого сейчас Даре не оставалось, как давиться кашей и глотать ее. Мало того, что ее кормили ненавистной овсянкой, так еще и так позорно пихая ложки этой каши в нее. Ковало даже не ждал, когда она прожует. Он просто методично запикивал ей в рот кашу, а она давилась и ела, стараясь сдерживать набегающие на глаза слезы обиды и унижения. Часть каши падала на блузку, а часть стекала по подбородку, от этого становилось еще противнее.

Когда миска опустела, Ковало, довольно посмотрев на нее, похлопал ее по щеке и, переведя взгляд на стоящего позади него охранника, кивнул тому. Охранник легко и не церемонясь потащил девушку к кровати и бросил на нее. Дара и опомниться не успела, как ее руки были подняты кверху и скованы наручниками, цепь которых проходила через кованый вензель изголовья кровати. Теперь она не могла вообще что-либо сделать, только лежать с поднятыми кверху руками и прожигать всех ненавидящим взглядом.

– Захочешь писать – позовешь, – сказал Ковало и двинулся к выходу из комнаты. – Да, писать ты теперь будешь тоже только в присутствии моих людей, чтобы ничего больше не разбила.

На этих словах он вышел из ее комнаты, а за ним все остальные его люди.

Вот теперь Дара осознала всю глупость своего поступка. Ничего, кроме унижения, она не добилась, да и лежать прикованной к кровати было намного хуже, чем просто ходить свободной по комнате. Она с ужасом подумала, что теперь ее постоянно будут так кормить. Причем вместо вкусной еды, которую она даже не тронула, ее будут кормить кашей, которую она ненавидела. Потом, вспомнив последние слова Ковало о посещении ею туалета, она покраснела и постаралась сдержать выступившие на глазах слезы. Такого позора она не переживет – ходить в

туалет в присутствии мужчин. Что теперь делать – она и не знала. Повернув голову набок, Дара попыталась стереть с лица остатки каши рукавом блузки, так хоть стало легче. Засыхающая каша на лице в этой ситуации была совершенно лишняя.

Через полчаса дверь в комнату открылась, и вошла та же женщина, что приносила ей еду в первый раз. Только теперь в руках у нее были веник, совок и мешки для мусора.

Видя, как убирается в ее комнате эта женщина, Даре стало безумно стыдно за свои действия. Она всегда сама убиралась, это нормально для цыганки – следить за чистотой и порядком. А здесь за нее убирают то, что сделала она. При этом в комнате присутствовал еще и охранник. Видно, Ковало не хотел, чтобы Дара заговорила с домработницей.

Дальше Дара только лежала и наблюдала, как постепенно комната приобретает прежний вид. Причем, несмотря на вечер, окно в ее комнате заменили на новое, даже привезли новое трюмо взамен разбитого, а потом и новое зеркало в ванную комнату.

Поздно вечером все последствия разгрома были устранены.

Опять в комнату зашел Ковало и, походив по ней, заглянул в ванную. Он довольно улыбнулся, хотя улыбка на его лице была жуткая. В комнату зашла домработница, принесла миску и отдала ему. Дара догадалась, что в миске опять каша; настал час ее вечернего кормления. С нее сняли наручники и, опять подтащив к стулу, посадили на него.

– Сама жрать будешь или опять насильно в тебя это запихивать?

Дара с ужасом смотрела на стоящего перед ней мужчину.

– Сама, – тихо прошептала она.

– Рот открыла, – Ковало поднес к ее лицу ложку с кашей.

– Можно я сама?.. Пожалуйста, – Дара подняла на него полные слез глаза.

Ковало кивнул держащим Дару охранникам, и те отпустили ее. Он дал ей в руки миску, и Дара, понимая, что это без варианта, стала есть кашу, так и сидя в центре комнаты на стуле, окруженная охраной и стоящим рядом Ковало.

– Я не люблю кашу... Можно я не буду это доедать, – понимая, что еще пару ложек, и ее просто вырвет, тихо произнесла Дара и подняла глаза на Ковало.

– Тебе принесли нормальную еду, но ты решила поиграть... Не стоит этого делать, Ковало подошел к ней и, больно схватив за подбородок, поднял ее лицо.

– Теперь, я надеюсь, ты уяснила этот урок?

– Да.

– Ты затратила мое время, за это я жестоко наказываю.

– Пожалуйста... Не надо.

– Об этом нужно было раньше думать, – Ковало отпустил ее подбородок. – Иди в ванную.

– Я не пойду... Не смогу... Если они будут со мной... – на глазах Дары опять появились слезы. Но мысль о том, что с ней в туалет пойдут вот эти, была невыносима.

– Обещаешь, что больше такого не повторится?

– Да! – практически выкрикнула она, с надеждой смотря на Ковало.

– Иди. И недолго там – я жду тебя.

Дара метнулась в ванную и закрыла за собой дверь. Жалко, что дверь не запиралась, хотя такие мужчины могли ее легко плечом выбить. Тогда действительно – зачем замки? Понятно, что принимать душ она не стала, а вот умывалась долго, смывая с лица следы каши и слез.

Ковало, сев на стул, терпеливо ждал, когда девушка выйдет. Он и не думал, что ему удастся так быстро ее сломать... Опять же, у него был опыт ломки мужчин, а если и женщин, то явно не таких вот трепетно-нежных. Так что неудивительно, что небольшая грубость – и девушка испугалась. Хотя его порадовало, что не пришлось прибегать к другим методам. Смотря в эти глаза испуганного олененка, он еле сдерживал себя, чтобы не дать слабину. Так что хорошо, что она всё поняла, напугалась и не будет больше дурить. Уж в этом-то он точно был уверен.

Когда Дара вышла из ванной комнаты, ее опять, грубо схватив, бросили на кровать и опять, подняв руки, приковали. Она в ужасе перевела взгляд на Ковало. Тот, подойдя к кровати, набросил на нее одеяло.

– Полежишь так всю ночь – подумаешь о своем поведении.

Она хотела попросить не приковывать ее, но видя его глаза, поняла, что он не переменит своего решения. Все присутствующие в комнате люди вышли, и последний выходявший выключил свет. Хорошо, что летняя ночь была лунная, и было не слишком темно. Дара лежала и смотрела в окно, туда, где была свобода и ее другая жизнь. В этих нерадостных раздумьях она и заснула.

Проснувшись, как всегда, с первыми лучами солнца, Дара лежала и ждала, когда придет этот страшный человек и снимет наручники. Ей повезло, что в эту ночь она от пережитого стресса провалилась в сон. Но, проснувшись, она ощутила, насколько это неудобно – лежать со скованными руками. Тело затекло и ныло. Даре хотелось встать, но приходилось просто лежать и ждать. Она прокручивал в голове произошедшие с ней события. Ей было обидно, что она упала с коня. Ведь если бы не упала, можно было попробовать и ускакать от них. Но только шансов удержаться в седле, когда на тебе надето столько юбок, практически нет. А ездить в брюках отец ей запрещал. Он вообще был очень строг к ее одежде – если не национальные юбки, то юбки, но длинные, практически до щиколотки, и никаких других вариантов он не приемлет. Дара смирилась с этим, да и нравились ей юбки, она всю свою жизнь так одевалась. Но, садясь в седло, она хотела бы надевать специальные бриджи – Дара видела такие в журнале. Они очень красиво смотрелись на всадниках и, наверное, в таких удобнее ездить верхом, да и шансов усидеть в седле больше. Только что теперь об этом думать?

Еще она постоянно вспоминала о своем коне. Хотя она и знала, что цыганская лошадь найдет дорогу домой, но всё таки беспокоилась за него и очень надеялась, что он добрался до конюшни целым и невредимым.

Она думала и об отце – как он волновался за нее, узнав, что конь вернулся один. Интересно, он уже знает, что ее похитили? Наверное. Ведь эти люди похитили ее не просто так, а чтобы что-то от него потребовать. Может, денег? Хотя вряд ли – судя по дому, у этих людей предостаточно денег. Тогда зачем? Она, как и любая цыганская женщина, не допускалась до дел мужчин и поэтому не знала, чем занимается ее отец. Хотя, конечно, она иногда и подслушивала мужские разговоры, как любопытный ребенок, но не очень понимала, о чем идет речь.

В таких раздумьях она и провела время, пока в комнату опять не вошли. Сейчас Ковало был один. Он, подойдя к кровати, снял наручники и смотрел, как она трет руки и пытается подняться после такого неудобного лежания всю ночь.

– Надеюсь, ты усвоила урок? – видя, что девушка кивнула, он продолжил: – Снимешь с себя все эти юбки и помоешься хорошенько. Одежду наденешь другую – в шкафу сама подберешь себе, – Ковало кивнул на шкаф в углу комнаты. – И запомни – еще один такой фортель с твоей стороны, и я не буду добрым дядей. Ты поняла?!

Дара вздрогнула от его голоса и закивала.

– Все поняла?!

– Да.

Ковало вышел из ее комнаты, зная, что он свою работу выполнил. С этой девчонкой проблем больше не будет... Нет, будут. Но эти проблемы будет решать уже Гер. Раз он так хочет ее. Хотя, что удивительного – она красива. Только вот он уже свое отгулял, и у него Ирэн. А на всех других он теперь просто смотрит. Хватит ему уже развлечений – в свои сорок пять он нашел ту, с которой хочет быть. А эта цыганка – да, красивая, да и жалко ее... Вот странно – никогда никого не жалел, а тут жалость закралась. Ковало даже себе сам удивился – неужели у него может быть жалость?

Глава 3

Работающий кондиционер создавал в кабинете Полонского комфортную температуру. Герман, развалившись, сидел в кресле, через огромное, во всю стену окно созерцая Москву с высоты птичьего полета. Он слушал отчет секретаря о делах в Калининграде на его нефтеперерабатывающей базе и отправке танкера с нефтью в Японию, и если что-либо его не устраивало, вносил свои правки. Наконец, секретарь завершил отчет и, получив указания, удалился из кабинета.

– Выпить налить? – видя уставшее лицо Германа, спросил Ковало и, получив утвердительный кивок, прошел к бару в стене.

Он приготовил им два бокала виски со льдом, достав кубики льда из морозилки.

Отпив пару небольших глотков, Гер почувствовал себя значительно лучше.

– Отчет от наших с Калининграда пришел, сухогруз готов для отправки. Африканские братья по разуму ждут пшеницы с начинкой, – Ковало задумчиво крутил бокал с виски.

– Отправляй. Деньги они уже перевели. Всё оружие, что они заказывали, им собрали?

– Всё. Насчет этого не переживай, все-таки африканские царьки у нас постоянные клиенты. Любят они перевороты устраивать.

Гер согласно кивнул на слова Ковало, затем вспомнил, что хотел спросить:

– Как, кстати, цыганка? Вроде там с ней были проблемы, еще перед моим отлетом на Канары.

– Никаких проблем больше нет. Ведет себя тихо. А как отдых на Канарах?

– В целом неплохо. Даже Лера особо не надоедала своими разговорами. Прямо медовый месяц провели.

– Вы там были два дня. Или для тебя с ней два дня как месяц идут?

Гер улыбнулся, понимая, что Ковало прав. Месяц с Лерой он бы не выдержал, а вот два дня ничего так прошли. Затем Гер помрачнел и спросил:

– Что наш цыганский барон? Убрал своих людей с вокзала или всё упирается?

– Упирается... Но обещает решить.

– Меня достали его цыганские разводы. Готовь людей, вечером проведешь там зачистку. Тем, кого отловишь, – накостыляй хорошо, но без жертв. Пусть это будет нашим первым предупреждением.

– Хорошо. Сделаем. Может, кого пристрелить для острастки?

– Рано еще. Да и войны с ним я не хочу...хлопотно всё это. Странно, что он даже ради дочки не идет на уступки.

– Говорит, не может он. Табор – его семья.

Ковало еще отпил виски из бокала.

– Ну, раз у него такая большая семья, что ж, это тоже неплохо. Тогда посильнее накостыляй тому, кого отловишь – пусть барон попереживает за семью.

– Ты сам-то когда к цыганке поедешь?

Почему-то Ковало не очень хотел, чтобы Гер ехал к ней. Вроде за эти дни жизнь вошла в нормальное русло. Ему сообщали, что девчонка тиха и послушна, и его это устраивало.

– Через пару дней. Давай с другими делами разберемся, а потом и отдых можно себе позволить.

Гер, отпив виски, продолжил:

– Я хочу под реконструкцию взять старую нефтеперерабатывающую базу на границе Московской и Тульской областей. Ее прежний владелец продает, и недорого.

– Это земли барона...

– Знаю, и даже более того – всё это время барон нормально с этой базы нефть качал в левую. Можно сказать, сидел на трубе. А теперь я хочу ему эту трубу перекрыть.

Ковало молча отпил виски, понимая, что миром их конфликт с бароном теперь уже не закончится. Полонский постепенно влезал на земли цыган. Начиная с малого – полностью взять на себя оборот наркотиков там, а теперь еще и нефтебаза. И дочка барона стала разменной монетой в большой игре...

Дни Дары потекли в мнимом спокойствии и ожидании. Ждать, пребывая в неизвестности – это тяжело. На стену ей повесили новый телевизор, и она была в душе благодарна за такой подарок. Иначе так вообще можно себя и с ума свести своими же мыслями. Она много думала о произошедшем. Никогда не вникая в дела отца – дела мужчин для женщины недоступны, – она лишь мельком слышала о проблемах, возникающих у него в последнее время. Сейчас Дара, прокручивая в уме обрывки подслушанных разговоров, вспомнила даже имя – Герман Полонский... Гер. Это имя она слышала и здесь, от охранников, когда они переговаривались между собой, пока она давилась кашей. Значит, этот Гер и есть тот самый мужчина, при взгляде на которого она поняла, что он главный. В ее памяти возник его образ. Лицо такое, что кажется – еще секунда, и конец тебе придет; такой не пощадит. А вот глаза медовые. Странно, что такое образное название цвета глаз возникло у нее в голове при воспоминании о нем. О таком цвете глаз в таборе говорили «глаза цвета меда». Хотя, когда он смотрел на нее, это скорее были глаза тигра, глядящего на свою жертву.

В последующие дни Дара стала замечать, что часто думает о Гере. Почему-то все ее мысли, несмотря ни на что, возвращались к нему. Вроде и видела она его пару минут, а помнила так ясно, до мельчайших деталей внешности. Она старалась переключить свои мысли на другое, но они возвращались к Полонскому. Наверное, он поразил ее тем, что она не видела в своей жизни таких мужчин, и конечно своей внешностью – так Дара оправдывала свои мысли о нем. Вот только воспоминания не проходили, и всё чаще глаза Гера всплывали перед внутренним взором.

Об избиении цыган Мирчи Чечар узнал рано утром, когда его разбудили крики и шум. Он, встав с постели, спустился на первый этаж своего коттеджа, чтобы узнать, что произошло. Цыгане при появлении барона замолчали. Когда Мирчи взмахнул рукой, давая разрешения говорить, старший из цыган рассказал, что поздно вечером крепкого телосложения парни отловили на вокзале подмосковного городка всех людей Мирчи. Кого избили сразу, а кого затолкали в машины и вывезли в ближайший лесок, и там били уже долго и основательно. В результате весь товар эти ребята забрали себе, а троих цыган пришлось отвезти в больницу, так как травмы у них оказались серьезные. Остальные цыгане сейчас дома, залечивают свои раны. Вот такие новости узнал барон, понимая, что это месть Полонского за его несговорчивость.

Посоветовавшись еще в течение часа, цыгане вышли из кабинета барона. Мирчи устало откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Теперь он обдумывал, что ему делать дальше. Его мысли вернулись к любимой дочке. Дара, дитя любви, любимая дочь, которой он ни в чем никогда не отказывал, хотя и старался оставаться строгим родителем. Как же он сейчас жалел, что разрешил ей ездить на коне. Только вот он думал, что она вокруг их коттеджей по полю скачет, а оказалось – она в такую даль ездила. Потом его люди нашли место, откуда забрали Дару. Там, в пыли дороги, они нашли ее бусы, порванные и рассыпанные. И еще они увидели массу следов и отпечатавшиеся в дорожной пыли широкие протекторы машин. По всему этому можно было составить картину произошедшего. Хотя Мирчи все понял сразу, как только ему сообщили, что рыжий жеребец вернулся на конюшню без всадницы. Конечно, сначала он гнал нехорошие мысли и сам себя убеждал, что дочка просто упала с коня. Вот и отправил цыган на ее поиски, а они нашли то место, где всё это произошло.

Мирчи опустил голову на руки, понимая, что ничего не может сделать, чтобы спасти дочь. Он барон, и за ним его табор и все цыгане, которые есть на его земле. Они едины своими предками, тем, кем они являются. А он, их барон, не может ради спасения одной жизни предать всех, даже если это жизнь его ребенка. Да и Полонский похитил его дочь не с целью выкупа, денег или условий. Полонский хочет отыграться за то, что цыгане не готовы уйти со своей земли. Ведь Полонский считает, что эта земля его, и, наверное, даже не подозревает, что веками здесь всё принадлежало цыганам. Да ему вообще всё это безразлично. У него есть цель, и он к ней идет. Только во всем этом самое страшное то, что Дара для него – лишь способ отыграться за происходящее и заставить Мирчи сломаться. Герман ведь даже за ее возврат условий не выставляет.

Барону было страшно думать о том, что сделает Полонский с его дочерью. Только он понимал, что неспособен помешать этому, и от осознания такой действительности внутри всё выворачивалось наизнанку. Мирчи знал, что даже если он приползет к Полонскому на коленях, тот не вернет ему дочь. Гер вернет ее только после... Барон даже боялся озвучить в уме эту мысль, что значит «после». И это «после» означало приговор ему и Даре. То, что Мирчи потерял свою дочь, он уже знал, но как же хотелось верить в чудо. Чудо, которого не произойдет...

VIP-зона была расположена на втором этаже, и через окно на всю стену Гер, сидя на диване, мог созерцать танцующих людей внизу. Дергающиеся в экстазе молодые парни и девушки отвлекали от мыслей и дополняли картину отдыха. Ковало поднял свой бокал с виски, и Гер поднес к нему свой. Их отдых продолжался уже несколько часов. Гер за это время достаточно выпил, чтобы затуманить сознание, и все скопившиеся проблемы растворились в алкогольном дурмане. Сидящие на соседнем диване мужчины были ровесниками Гера. Мужчины были не одни – рядом с ними сидели молодые девушки яркой наружности, ведущие себя достаточно раскованно.

– Я думаю, разговор о делах мы на сегодня завершим, – глядя на Германа, сказал один из мужчин и, видя, что тот утвердительно кивнул, продолжил: – Тогда почему ты один? – мужчина прижал к себе захихикавшую девушку.

– У меня на сегодня другие планы. Так что там цыганка? – отпивая из бокала, спросил Гер.

– Проблем не создает. Послушна...

– Прекрасно! – перебил Ковало Гер. – Так что я тогда здесь время теряю? Поехали, хочу проверить ее послушание.

– У тебя есть цыганка? – спросил один из мужчин, продолжая обнимать пышногрудую блондинку.

Гер кивнул и загадочно улыбнулся.

– А что ты ее с собой не привозишь? Показал бы нам.

– Привезу. Обязательно привезу.

Мужчины, увлеченные своими спутницами, не стали задерживать Полонского. Обменявшись рукопожатиями с ними, Гер пошел к выходу.

Ковало поднялся в след за Полонским и, дав сигнал охране, двинулся на выход из клуба.

В комнату Дары Герман зашел без стука. Она сидела около кровати на коврикe, а на кровати перед ее лицом были сделанные ею из бумаги фигурки оригами.

В голове Гера всплыло это японское название поделок из бумаги. С бумажных журавликов и лягушек он перевел взгляд на девушку. Она была одета в бархатный спортивный костюм: брючки и майка. В таком виде Геру она понравилась. Хотя он хотел увидеть ее в цыганском, но потом вспомнил, что сам же сказал забрать у нее всю эту театральную одежду.

Девушка при его появлении замерла и не двигалась, лишь ее черные как ночь глаза смотрели на него.

Дара, смотря на Гера, понимала, что именно таким она его и запомнила: короткая стрижка русых волос, подчеркивающая его волевое лицо, и легкая небритость. Интересно, сколько ему лет? Сорок или больше?

Когда Герман сбросил с себя пиджак и стал развязывать галстук, Даре стало не по себе. Но она постаралась ничем не выдать своего волнения.

– Детка, что сидишь? Раздевайся. Или тебе особое приглашение нужно?

В тоне Полонского Дара уловила нотки угрозы. Он не шутил, говоря это.

Мужчина, бросив галстук и расстегнув верхние пуговицы рубашки, приблизился к сидящей у кровати девушке. Стоя рядом с ней, он продолжил рассматривать Дару и, не спеша расстегнув манжеты на белоснежной рубашке, засучил рукава. Затем, наклонившись, дернул девушку вверх, больно схватив за предплечье, и сразу оттолкнул от себя. Дара упала на кровать и попыталась отползти. Гер схватил ее за щиколотку и потянул на себя. Он как хищник запрыгнул на нее и придавил своим весом.

«Тигр... У него глаза тигра...» – всплыло в ее сознании. Глаза тигра были злыми, и в них не было пощады.

– Не надо... – на выдохе прошептала Дара. – Пожалуйста!

– Не ломайся... Я могу быть нежным, тебе понравится.

Гер склонился к ее губам. Дара отвернула голову в сторону. Никто и никогда не целовал ее. Для цыганки такое до замужества непозволительно. Хотя были в их таборе те, кто нарушал это правило. Но дочь барона не могла подвести отца недостойным поведением.

Такое сопротивление распалило Гера. Он был охотником по своей сути, и любое сопротивление вызывало желание добиться своего. Отбивающаяся девушка только добавляла интереса. Конечно, идя сюда, он ожидал, что она поломается. Но потом, как обычно бывало с другими, набив себе цену, сдастся. Теперь же он видел ее всё возрастающее сопротивление и понимал, что дальше события будут развиваться по другому сценарию. Он хотел быть нежным и мягким, но раз она любит поглубже – значит, он примет ее игру.

Дара чувствовала, что руки мужчины уже проникли под ее майку. Она запаниковала и забилась сильнее. Глаза тигра – там не было пощады, и в них она видела его желание. Желание обладать ею. Это вековой инстинкт – она ощущала его, он шел от Гера и пропитывал воздух вокруг.

Все-таки Геру удалось поймать ее губы, и он приник к ним, а в ответ получил болезненный укус. Это было уже не смешно, девушка явно переигрывала в сопротивлении. Гер не хотел завтра появиться в офисе с опухшей губой. Он еще раз зафиксировал ее лицо и опять приник к ее губам. И тут же почувствовал, как ее зубки прокусили его губу еще раз. Вкус собственной крови во рту отрезвил Гера. Он отстранился от Дары и, схватившись за ее майку, просто порвал ткань.

Дара выскользнула из остатков майки и скатилась с кровати. Паника отбирала силы. Ее трясло от происходящего и от понимания того, что хочет сделать с ней Гер. Его намерения стали ясны. Его желание, пока он лежал на ней, упиралось в нее. И хоть она и не знала сама, как это бывает между мужчиной и женщиной, но, естественно, видела по телевизору. С подружками им удавалось втайне от взрослых просматривать фильмы с такими моментами. Правда, один раз их застукали за просмотром – вот им тогда влетело! Но зато Дара знала, что ждет ее после замужества. Только вот сейчас все происходящее могло навсегда перечеркнуть ее жизнь, и ни о каком замужестве уже и мечтать не нужно будет. Порченную ее никто не возьмет замуж.

Когда мужчина грубо схватил ее за волосы и потащил обратно к кровати, Дара начала отбиваться на полном серьезе.

Гер ощутил ее кулачки, молотящие по его прессу, а потом и ее ногти, поцарапавшие щеку. Это был предел его терпения. Теперь завтра на деловых переговорах он будет с опухшей губой и расцарапанной щекой. Это Гера сильно взбесило. Он тряхнул девушку и, видя, что это на нее не действует, с размаху ударил ее по лицу.

Отлетев к стене и упав, Дара пыталась восстановить дыхание, чувствуя привкус крови во рту. Но ей это не удалось. Гер, опять схватив ее, потащил за собой. Девушка вывернулась и отпихнула его от себя, но мужчина был гораздо сильнее. Он, схватив ее за плечи, опять больно встряхнул, а затем очередной удар по лицу лишил Дару равновесия.

Цветные искорки заплясали перед глазами, и кровь, закапав из носа, испачкала ее пальцы, которые она поднесла к лицу. Пока она, прижимая ладонку к носу, пыталась восстановить пляшущую перед глазами картинку комнаты, Гер грубо сдернул с нее тренировочные штаны вместе с бельем и потом уже расстегнул застежку лифчика на спине.

Осознание, что она голая, придало девушке сил на попытку защитить себя. Она стала отчаянно отбиваться от приблизившегося к ней мужчины. В ответ последовало несколько ударов по лицу и в солнечное сплетение. И она задохнулась от боли. Будто со стороны Дара видела, как Гер тащит её за волосы к кровати. Она лишь хватала ртом воздух и чувствовала, что слезы стекают по щекам, смешиваясь с кровью из носа и разбитой губы.

Гер, как зверь, распаленный видом крови, уже не контролировал себя. Еще в молодости, участвуя в разборках, он прославился жестокостью и беспощадностью. При виде крови жертвы у него буквально падала планка. А здесь еще и девчонка, которая расцарапала ему лицо и сопротивлялась так, что он стал поступать, как привык. Бить и получать то, что он хотел. Эта борьба завела его, и его набухший член давно пульсировал в брюках, доставляя болезненные ощущения. Бросив девушку на кровать, он развел ей ноги и уже хотел войти в нее, но потом вспомнил о презервативе. Все-таки лечиться от всякой экзотической заразы не хотелось. Мало ли, что там эта цыганка нацепляла. Гер раскатал по члену презерватив и затем с одного толчка бедрами вошел в нее.

Крик боли вырвался из ее груди и, уже не сдерживая себя, Дара кричала при каждом толчке члена Гера в себе. Казалось, что внутри нее движется раскаленный нож, раня и причиняя боль каждым движением. Неконтролируемые слезы лились из ее глаз, а крики постепенно перешли в всхлипы, и наконец всё закончилось.

После оглушительного оргазма Гер, придя в себя, поднялся с так и всхлипывающей девушки и вышел из нее. Презерватив был в крови. Переведя взгляд между ее ног, он увидел кровь и там, а также свежие алые капли крови на простыне.

Гер встал, снял презерватив и, кинув его на кровать, быстро привел свою одежду в порядок. Взяв пиджак и, не смотря на свернувшуюся в позу эмбриона и так и всхлипывающую девушку, он вышел из комнаты.

Хорошо, что было уже темно, и Ковало не видел расцарапанного лица Гера и его опухающей губы. Он был занят разговором по телефону с Ирэн и поэтому только кивнул на слова Гера, что они возвращаются в Москву. Ковало дал знак охране и сам уселся в машину рядом с Гером. В сопровождении машин охраны они покинули территорию коттеджа.

К машине подошел цыганенок лет шестнадцати, одетый в спортивную куртку и сильно застиранные джинсы. Шандор опустил стекло и даже не повернул головы в сторону мальчишки.

– Товар весь продали. Деньги отдали, – сказа мальчишка, переминаясь у машины.

– За работу получили денег? – Шандор перевел взгляд на лицо парня.

– Да.

– Завтра новая партия придет. Быстро продадите – десять процентов к оговоренной сумме накину. Так что не зевай – работай. Понял?

– Понял, – буркнул мальчишка и, видя, что разговор закончен, побежал к ожидающим его ребятам.

Шандор поднял стекло и кивнул водителю. Тот, сразу поняв желание хозяина, завел машину и поехал.

– Хорошо здесь ребята работают, – сказал сидящий рядом с Шандором парень, – живенько так всё раскидали, хотя товара много было.

– Да, этой точкой я доволен. Кстати, ты не слышал, говорят, на людей Мирчи напали вчера ночью, вроде как сильно побили?

– Полонский кипишует. Дочка-то барона у него, а барон всё равно не прогибается, вот Полонский и не знает, что еще делать, – Ромо достал сигареты и закурил, приоткрыв окно. – Хотя и так понятно – конец дочке барона, Гер, наверное, поразвлекся уже с ней. Вторая неделя пошла, как он ее похитил, не думаю, что только для любования ею. Красивая она... была...

Шандор, тоже достав сигареты, закурил и, прикрыв глаза, вспомнил Дару. Ему было обидно, что барон отверг его предложение жениться на ней. Видите ли, род Шандора не чета ему, а теперь его опороченную дочку вообще никто не возьмет. Хотя он бы и такую ее взял. Он ее как увидел лет в тринадцать, так и полюбил. Ему уже двадцать пять, а он и жениться-то не может, всё надеялся на то, что Дару в жены возьмет. Только Дара тоже еще та гордячка – на него и не смотрела. Зато вот как теперь всё обернулось. Барон ведет войну с Полонским, дочку его испортили, а он, Шандор, только в выигрыше – свои точки налаживает да наркоту толкает, пока те войной заняты. Еще бы Дару забрать, пусть не в жены, жениться он на ней тоже не будет, зачем ему такой позор? А при себе бы держал. Всё равно, куда ей после такого позора податься? В доме отца жить? Так там заключают. И так ее мачеха не любила, а теперь и повод есть носом ткнуть.

Выпустив струйку дыма, Шандор думал о странностях судьбы. Раньше он был изгоем, и весь его род – другие цыгане – объявил им негласную войну. Видите ли, не чтут они законы предков. Да в гробу он видал эти законы. Сейчас другой век, и он свои законы устанавливает. Зря его барон с его людьми прогнал. Сейчас помог бы ему в войне с Полонским, да и Дару бы защитил. Не допустил бы такого, если бы она его женой была. Но барон хотел по-другому, по правильному. Традиции предков соблюсти. И что в результате?

Теперь оставалось только ждать, когда Полонский наиграется и выгонит девушку. А потом ждать, когда в родном доме ее затыркают так, что она рада будет его предложению. Шандор вспомнил Дару – красивая, глаза ее эти, как у олененка – испуганные. Хотя на самом деле она смелая – вот всё на конях скакала. А он бы ей не разрешал это делать. Все-таки некоторые традиции рода нужно и соблюдать – цыганка дома должна сидеть и мужа слушаться, а не по полям скакать. Доскакалась вот...

Шандору было так обидно, что не он первый с ней был. Хотя он уже давно понял, что ему неважно это. Он давно сам себе поклялся – будет она с ним и, значит, сдержит слово, добьется своего. Шандор повел рукой по отросшим до плеч смоляным курчавым волосам и подмигнул Рому, другу своему, зная, что все будет так, как он хочет.

Глава 4

Утро для Полонского было недобрим. Вчерашний вечер он, уехав из своего коттеджа в Москву, провел в ночном клубе. Ковало не остался с ним, намекнув, что его ждет Ирэн, и Гер отпустил его. Ему было достаточно охраны, которая молчаливой тенью присутствовала при нем. В клубе он был практически до утра, вливая в себя алкоголь и наблюдая за танцующими. Причем все попытки красивых девушек подсесть к нему за столик моментально пресекались, и охрана, видя его настроение, уводила от него красавиц.

Гер и сам не знал, что его так выбило из колеи. Неужели эта цыганская девчонка? Или то, что она всё-таки оказалась девственницей? Или то, что так сопротивлялась, или, возможно, то, что своим сопротивлением взбесила его? Он ведь не бил женщин. А если и бил, то это были в общем-то и не женщины как таковые, а те бой-бабы, ведущие себя как мужики и лезущие в мужские разборки. А здесь он сорвался и бил цыганку, причем понимал, что даже особо не сдерживался. Давно с ним такого не было – злости и потери контроля. Таким он был раньше, когда еще по юности два раза сидел. Вот там, в тюрьме, чтобы отвоевать авторитет, он бил зло и зверел от крови, да и потом, когда утверждал себя в банде. Тогда тоже дрался, зверея. Потом его жизнь стала другой, и у него появились те, кто дрался за него, а он лишь руководил ими.

И вот всё вернулось. Он опять, увидев кровь, как сорвался с цепи, а чувствуя такое сопротивление, уже не мог остановиться, не добившись своего. Жалость и сожаление о содеянном он старательно гнал из головы и глушил алкоголем.

Поэтому его утро и было столь недобрим. Звонок будильника болью отозвался в голове, но Гер заставил себя встать с кровати, куда еще час назад рухнул прямо в одежду.

Как же он был рад, что так и не позволил Лере жить с ним. Было проще купить ей квартиру, чем разрешить переехать в свою. Сейчас бы он не вынес еще и ее расспросов и упреков.

Зайдя в ванную, Гер увидел свое отражение в зеркале. Кроме явных признаков вчерашнего перепоя в виде опухшего лица, он видел и следы ее ногтей на своей щеке. Да и губа от ее укусов опухла.

Чертыхнувшись, он стал раздеваться, чтобы принять душ. В офис всё равно нужно было ехать. Дела никто не отменял.

Для Ковало утро было прекрасным. Утренний секс с Ирэн принес позитивное настроение. Взглянув на часы, он увидел, что время давно уже не утреннее и приближается к двенадцати. Конечно, в офисе он должен был быть к десяти, да еще и за Гером заехать. Но с другой стороны, Полонского и охрана без его контроля сможет в офис сопроводить, а сам он не так часто опаздывает на работу. Да и работа у него со свободным графиком. В жизни Полонского вообще графика быть не может. Поэтому его совесть точно чиста – в кои веки опоздал.

Уже на пути в офис его настиг телефонный звонок. Звонил его человек из коттеджа. Ковало помрачнел, понимая, что у него опять проблемы с цыганкой. Ничего другого там не могло произойти. Выслушав говорившего, Ковало помрачнел еще больше и отдал распоряжение разворачиваться и ехать в коттедж. Ему сообщили, что девчонка всё это время лежит в кровати, не встает и отказывается есть.

Чертыхнувшись, Ковало поехал туда, зная, что больше он не будет мягок с этой цыганкой. Такое поведение ему не нужно. Вместо того, чтобы заниматься делами, он летел за МКАД выяснять, почему девчонка опять отказывается есть. Он гнал от себя нехорошие мысли о произошедшем между ней и Гером вчера. Да и что там нехорошего могло произойти. Дело-то обычное. Ну переспал он с ней, и что теперь? Это еще не повод так себя вести и мешать ему заниматься делами. Он ей не нянька и не психолог. Слишком много уже проблем от этой цыганки. И что Гер ее не выкинул после первой же ночи?

После ухода Гера Дара долго лежала, свернувшись калачиком, и не шевелилась. Физическая боль постепенно утихала, а вот осознание случившегося становилось настолько невыносимым, что она была бы рада физической боли, а не душевной. В один миг ее мир рухнул, и это была не метафора. Для цыганской девушки потерять девственность до замужества – самое страшное, что только может случиться. И это самое страшное случилось именно с ней. Как дальше жить и что делать – она не знала. Даже не было сил встать и дойти до душа. Да и зачем? Теперь она вообще не понимала, зачем ей всё это делать, зачем ей жить.

Когда прохладный ночной воздух, проникающий в открытую форточку, стал холодить ее кожу, она натянула на себя одеяло и завернулась в него. Это максимум, на что ее хватило. В голове проносились мысли о произошедшем и о жизни дальше. Конечно, она слышала о тех девушках, которые не сберегли себя. Но это они делали по любви, хотя, правда, потом сильно раскаивались в содеянном. Замуж их никто не брал, а вот порицание и отторжение они получали отовсюду. И им приходилось или жить с этим, надеясь, что какой-нибудь старый вдовец цыган возьмет вот такую себе в жены, или они уходили из табора навсегда. Дара не хотела ни первого, ни второго. Выйти замуж за старика лет шестидесяти, у которого его дети от первых жен старше ее, было бы ужасно. Она в такой семье всегда будет в роли домашней прислуги, всеми презираемая и забытая. А уйти из табора...

Дара вспомнила свою жизнь. Отец хоть и любил, чтобы она была при нем, но понимал, что дочка хочет и мир посмотреть, и поэтому разрешал ей кочевать с цыганами. Как только зима уступала свои права первому теплу, их табор собирался и отправлялся в сторону юга. Они кочевали по Ставрополю, Краснодарскому краю, часто останавливались на берегу Черного моря. Это была настоящая цыганская жизнь. Правда, кочевали они не на лошадях, а на машинах, к которым были прицеплены трейлеры, оборудованные под жилье. Лошадей они тоже перевозили в специальном оборудованном фургоне, прицепленном к машине. И вот таким длинным «паровозиком» из машин с прицепами цыгане и кочевали из города в город. Основным их заработком были концерты в тех местах, где они останавливались. Иногда это были Клубы или Дома культуры, а иногда просто центральные площади городков и селений. Дара активно в этом участвовала. Она пела и плясала, и была счастлива такой жизнью. Ей казалось, что так будет всегда. Только вдруг всё завершилось, причем настолько страшно и необратимо.

Хотя, конечно, ее кочевая жизнь тоже должна была в скором времени завершиться. Отец договорился о ее замужестве, и этой осенью, после возвращения из армии ее жениха Янко, она должна была стать его женой. Только Янко Дара не видела, но такова традиция – судьбу молодых решают родители. Дара не противилась этому, а расспросив подружек из табора, где рос Янко, она узнала, что он даже недурен собой, высокий и красивый.

Только что теперь толку. О каком замужестве она думает? Его родители, наверное, уже расторгли их помолвку, как только услышали о ее похищении. А сам Янко плевать в ее сторону будет после всего произошедшего. Людям уже неважно – по доброй воле она пошла на это или нет. Люди злые и всё равно скажут, что она сама виновата, сама захотела этого. Дара осознавала весь масштаб своего позора. Ее морозило даже под одеялом, в которое она куталась. Или этот холод шел изнутри, и поэтому она не могла согреться. Не быть ей женой молодого красивого Янко. Она вспомнила и о Шандоре. Он ей никогда не нравился, а теперь и Шандор плевать в ее сторону будет. А ведь до этого она гордо проходила мимо него, зная, что Шандор и его табор – изгой в племени цыган. Шандор не уважает традиции и старших, и за это его считали недостойным быть с остальными. Но у Шандора был большой табор, поэтому совсем не считаться с ним не могли. Так что барон его терпел и даже приглашал на заседания старейшин. Даре тоже не нравился Шандор. Она знала о его жестокости, о том, как он расправляется с непослушными. Об этом много ходило рассказов среди цыган, и Дара сама видела, как он избивал провинившихся. Вот поэтому Шандор ей и не нравился, хотя она знала, что она ему

нравится. Он даже сватался к ее отцу, но барон категорически сказал «нет». Дара была рада, что отец отказал. Пусть лучше неизвестный Янко будет ее мужем, чем Шандор... Только вот теперь всё переменялось.

От отчаяния, пронзившего ее, она заплакала, уткнувшись в подушку. Потом слезы кончились, и Дара просто лежала и смотрела в стену напротив. Внутри нее был ад, в котором она медленно варилась, и теперь избавиться от этого ада она не сможет уже никогда.

Наступило утро. Дара слышала, как в ее комнату зашли и, судя по звону тарелок, ей принесли еду. Спустя какое-то время снова зашли, но она так и лежала, завернувшись в одеяло, и пыталась согреться. Сейчас ей было уже всё равно. И даже угрозы Ковало уже не пугали. То, что произошло с ней... что может быть еще страшнее?

Зайдя в комнату девушки, Ковало подошел к ее кровати. Он был зол, слишком зол на ее поведение. Зол на то, что притащился сюда, чтобы заняться кормлением цыганки. Всю дорогу он кипел от злости, хотя внешне это и не было заметно. Войдя к ней в комнату и увидев ее в постели, он понял, что это ее очередной протест. Ковало сдернул с нее одеяло и застыл.

Дара не успела схватить срываемое с нее одеяло, но почувствовала это и перевернулась, подтянув ноги к груди и сжавшись. Ее длинные спутавшиеся волосы прикрывали ее наготу. Хотя Ковало успел увидеть достаточно. Тело девушки было покрыто синяками и красными гематомами. Его взгляд переместился на простынь, на которой засохли следы крови. Ковало посмотрел на лицо Дары: разбитые опухшие губы, на скуле следы от ударов, опухший нос и красные глаза, по которым было понятно, что она плакала.

Он взял одеяло, которое сдернул с нее, и протянул ей обратно. Девушка сразу натянула одеяло аж до подбородка и опять опустила голову, так, что спадающие на лицо волосы закрыли его.

– Я пришло врача. Пожалуйста, веди себя хорошо, иначе мне придется присутствовать рядом с врачом и держать тебя. Ты меня слышишь?

Дара слышала его. И понимала, что он говорит. После всего произошедшего еще и этот мясник будет ее рассматривать вместе с врачом? Это было слишком. Поэтому она кивнула.

Ковало не стал добиваться от нее ответа, понимая, что с такими разбитыми губами ей и говорить-то больно. Он все-таки понадеялся, что она будет вести себя хорошо и не станет сопротивляться доктору. В ее состоянии это глупо. Он вышел из комнаты и набрал телефон врача, кратко и очень сдержанно попытался пояснить ему суть проблемы. Доктор вроде понял, что произошло с девушкой. Поскольку доктор был своим человеком и давно уже привык к таким вызовам, он не стал долго расспрашивать, а сказал, что выезжает. Вот только доктор привык лечить раненых бойцов Гера, а такое здесь произошло впервые. Но врач не показал виду, что шокирован. В любом случае он должен оказать помощь пациенту.

Ковало нервно ходил по гостиной, ожидая приезда врача. Он прокручивал в голове увиденное и сам не верил в это. Все-таки цыганка оказалась девственницей. Конечно, это удивительно, но факт был налицо, вернее, на окровавленной простыне. Налицо был другой факт, вернее, на лице у девчонки. Ковало не ожидал такого от Гера. Хотя они знают друг друга уже более двадцати лет. И Ковало помнил, каким Полонский был по юности, когда мог бить и звереть от крови. В последние же годы Гер предпочитал наблюдать, как били другие; ему самому, видно, это приелось, да и статус у него сейчас уже другой. И вот вдруг Гер как с цепи сорвался. Ковало не ожидал такого. Да и девчонку было жалко. Он ведь понимал, почему она сопротивлялась – себя пыталась сберечь. Но почему Гер не остановился? Зачем он так с ней?.. Ковало опять поймал себя на мысли, что жалеет цыганку.

Дождавшись, когда доктор спустится в гостиную, Ковало заговорил первым:

– Док, как она? Что-нибудь серьезное?

– Ничего серьезного... Кроме душевной травмы, но это не моя область лечения... Это Герман ее так? – видя, как Ковало отвел глаза, врач всё и сам понял. – Я за ним такого уже лет двадцать не помню, чтобы так сорвался...

– Я тоже не понимаю, с чего он так... Девчонка же...

– Красивая. Но ладно, это не мое дело. Завтра заеду, проверю ее. Сейчас можешь не беспокоиться – я ей успокоительное вколол, до вечера поспит. Вот рецепт – купи всё, что там написано.

Ковало взял листочек с рецептом, а затем двинулся за врачом, который пошел к входной двери.

Всю дорогу до офиса Ковало думал о произошедшем и пытался убедить себя в том, что ему вообще всё равно, как ведет себя Гер с этой цыганкой. Только откуда-то непонятно появившаяся совесть говорила, что не все равно. Что ему жалко девчонку и нужно как-то попытаться поговорить с Гером – о том, что не стоит себя так вести.

Зайдя в кабинет Гера, Ковало увидел на его лице следы вчерашней борьбы. То, что это дело рук цыганки, он не сомневался. Гер был мрачен и раздражен. Он стоял у окна и смотрел на раскинувшийся у его ног город. В руке у Гера был стакан с виски, хотя и была только середина рабочего дня. Обычно Гер если и пил в офисе, то только вечером.

– Что опоздал? С Ирэн что-то? – бросив на Ковало взгляд, спросил Гер.

– Спасибо, что беспокоишься за Ирэн, но с ней всё в порядке... А вот с цыганкой не очень хорошо, – видя, что Гер продолжает смотреть в окно, изображая равнодушие на лице, Ковало продолжил, – я ей нашего дока вызывал...

– Что с ней?

– Тебе лучше знать.

– Хватит! Моя совесть не проснется от твоих намеков.

– Док сказал – в целом всё в порядке. Уколол снотворным и дал список лекарств, мази и успокоительные...

– Ты купишь всё, что он ей прописал.

– Уже купил и в коттедж своего помощника отправил со всем этим. Твоя домработница ей всё отдаст и проконтролирует процесс. Гер, я давно тебя таким не помню...

– Выпить хочешь? – перебил его Герман и, видя утвердительный кивок, пошел к бару, чтобы наполнить бокалы.

– Я и сам себя не помню таким. Даже не знаю, что на меня нашло. Она так сопротивлялась, вот я и завелся.

– Теперь понятно из-за чего, – Ковало взял протянутый Полонским бокал и отпил. – Я ведь говорил, что она может быть еще девственница.

– Ей двадцать, она что, до старости себя беречь хотела? По-моему, не стоило так за это цепляться.

– Нехорошо, конечно, вышло... Это ведь ее первый раз.

– Я предлагал ей по-хорошему, но она как дикая кошка. Сам видишь – всего меня испарала. Вот я и завелся. Ладно, хватит об этом. Нужно и к нашим делам переходить, – Гер отошел от окна и направился к креслу за столом.

– Спросить хотел. Может, ее в сад под охраной выпускать, а то сколько она в комнате сидеть будет?

– Хорошо, но под твою ответственность. Смотри, чтобы не сбежала. И хватит уже о ней.

В голосе Германа проскользнули нотки раздражения. Больше к этой теме они сегодня уже не возвращались.

Дни Дары теперь стал более разнообразным. Ее выводили на прогулку в сад. В первый раз она отказалась туда идти, и тогда охранник, без всяких эмоций на лице, подошел к ней

и перекинул ее через плечо. Так он и донес ее до сада, а там просто поставил на дорожку и отошел в сторону. После этого раза Дара стала сама выходить в сад, осознавая, что особого выбора у нее и нет. Хотя прогулка по саду ей нравилась. Сидеть в четырех стенах после всего случившегося было невыносимо. То, что творилось в ее голове, сводило с ума. Но она заставила себя держаться, твердо приняв решение сбежать отсюда. Травиться, топиться в ванне и резать себе вены она не будет. Этого удовольствия Полонскому она не доставит. Она хочет сбежать от него, а как жить дальше – когда сбежит, тогда и решит. Все-таки в душе Дара надеялась, что отец поймет ее и поможет. Пусть и придется ей уехать, но отец... Он же ее любит, а значит, не отвернется от нее. И еще она надеялась, а вдруг отец скажет, что она не виновата в произошедшем. Ведь он барон и как скажет, так и будет. И тогда никто не посмеет о ней плохого сказать. Замуж, конечно, не возьмут, только если вдовец какой, но хоть в спину плевать не будут. Может, еще всё и образуется. Вот поэтому Дара и жила, веря в хорошее.

Ее побои, благодаря мазям, проходили, душевное состояние с помощью таблеток тоже возвращалось в норму. Пожилой доктор регулярно приезжал к ней, и даже казалось, что он относится к ней с сочувствием. Его внимание и забота были приятны. Только одно омрачало ее жизнь. Дара понимала, что эта ночь может повториться. И чем бледнее становились синяки на ее лице, тем грустнее становилась она. Пока она не придумала, как сбежать из этого дома, а время шло, и каждый раз при наступлении вечера она замирала от шагов около своей двери. Она ждала его. Того, кто разрушил ее жизнь.

Глава 5

Две недели для Германа пролетели незаметно. Он закрутился в череде событий. Как всегда его бизнес забирал время и силы. Но это была его жизнь, и она ему нравилась. Только вот в последние дни его настроение сильно ухудшилось. На выкупленной под реконструкцию нефтеперерабатывающей базе, теперь уже принадлежащей ему, были обнаружены наркотики. Откуда "ноги растут" Гер знал. Только это же не объяснишь правоохранительным органам, которые их там нашли по заявлению бдительных граждан. Зато Герман оценил ход цыганского борона в отместку за избитых его людей и потерю бароном вокзала, как точки сбыта наркотиков. Хоть Полонский и ждал в ответ удара, но не ожидал, что он будет таким существенным. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы замять это дело. Естественно, пресса сразу подняла шум о проблеме распространения наркотиков в Подмосковье. База Полонского стала мелькать в строчках новостей, и Гер только и успевал отсчитывать купюры, с помощью которых затыкал рты журналистам, и убирать репортажи о своем предприятии из новостей. Далее последовала его череда визитов к нужным людям с просьбами о том, чтобы забыли это пришествие. Естественно, такие вещи решались в обмен на услуги от него. И вот к концу недели, измотавшись от трудовых будней, Гер дал команду ехать в коттедж.

Ковало знал зачем туда едет Гер. Он молча сидел с ним рядом в машине.

– Гер, может, сегодня не стоит?

– Что не стоит? – раздраженно ответил Герман, просматривая новости в телефоне.

– Срывать злость на девчонке.

– Будет хорошо себя вести – я тоже буду сама краткость, – ехидно бросил Гер.

– Она не виновата в том, что делает ее отец.

– Да что ты говоришь? Может она и не виновата. А барон? Он что, даун? Его дочь у меня, а он мне такую "свинью подложил". И на что он надеялся? Знаешь, если ему плевать на свою дочь, то мне и подавно.

Ковало понимал, что этот разговор бесполезен. Гер был заведен и в целом прав. Ковало и сам не ожидал, что барон решится на такое. Неужели ему не жалко дочки? Он же должен понимать, что с ней будет после того, что сделал барон.

Все это время Дара жила в ожидании Полонского. Хотя тяжело жить и ждать плохого, и она старалась не давать себе думать о плохом. Дневные прогулки отвлекали, а потом можно было заполнить тишину комнаты работающим телевизором. Вечерами же, чтобы отвлечься, Дара продолжала мастерить фигурки из листков бумаги. Те, первые, сделанные ею, были безвозвратно испорчены и выкинуты в мусорное ведро, как, впрочем, и ее жизнь. Но она не стала унывать и, сидя на ковре, стала опять складывать из листков, вырываемых из журнала, новые оригами. Когда-то давно, в детстве, ее этому научил старый цыган. Он давно уже умер, но она запомнила то, как, будучи ребенком, ей нравилось мастерить лягушат и аистов из бумаги. Или сделать пароходик с трубами и пустить его в лужу. Теперь эти воспоминания счастливого детства давали ей возможность сохранять мир в душе. Постепенно изо дня в день ее коллекция поделок всё пополнялась и разнообразилась. Она вспоминала всё, чему ее учил цыган и даже пробовала сама придумать новых зверушек, складывая их из бумаги, и если ей это не удавалось, она не расстраивалась, а бралась заново, вырывая новый листок.

Когда дверь в ее комнату распахнулась, Дара вздрогнула и обернулась. Она даже не испугалась, увидев его, просто продолжала сидеть на ковре с смятым листком бумаги и смотреть на Гера.

– Что, детка, соскучилась по мне? – Гер прошел по комнате и остановился напротив нее, – Пойдем, займемся более интересным делом.

Он протянул ей руку. Дара отшатнулась и стала отползать от него.

– Давай в этот раз по-хорошему. Теперь тебе терять уже нечего, поэтому не вижу смысл ломаться. Пойдем.

Гер, подойдя к девушке, попытался поднять ее с ковра. Только вот слова Гера о том, что теперь ей нечего терять, так больно резанули ее, что Дара, уже не сдерживая ненависть к этому человеку, стала яростно вырываться.

Гер пытался держать себя в руках. Он дал себе слово, что больше не будет так себя вести. Но девчонка не оставляла ему шансов. Когда ее ноготочки прошли по его щеке, он почувствовал, что его сдержанность трещит по швам. Звонкая пощечина окончательно смела все грани разумного в нем. Он никогда не позволял женщинам так с собой обращаться. Гер с размаху ударил девушку по лицу и, пока она приходила в себя, стал срывать с нее одежду. Видно, его удар был сильный. Только когда он ее полностью раздел, цыганка пришла в себя и опять стала яростно сопротивляться. Но сейчас Гера уже ничего не сдерживало. Он видел под собой ее тело, оно было красиво, и он чувствовал в себе животный инстинкт обладания. Несколько ударов по лицу сломили ее сопротивление и Гер, чувствуя, что она обмякла, развел ей ноги. Он брал ее жадно, грубо, с такой страстью, как, наверное, в древности победители брали своих пленниц, захваченных в битве. Она была его трофеем, его призом, его добычей. Такая гремучая смесь порождала в нем низменные инстинкты и затмевала разум. Он вообще не понимал, почему рядом с этой девчонкой с ним такое творилось. Он буквально превращался в монстра и уже не мог контролировать себя.

Дара, отвернув голову в сторону, ждала, когда всё это кончится. Спина при каждом толчке терлась о ковер, и кожа от соприкосновением с ворсом уже горела. Но ей было так легче – отвлекаться на физическую боль, чем осознавать, что сейчас с ней происходит. Теперь его движения в ней уже не вызывали такой боли, как в первый раз, хотя ей всё равно было больно там, между ног, от его проникновения. Но Дара кусала губы, чтобы не стонать и не заплакать. Она просто ждала, когда всё закончится.

Оргазм, накрывший Гера, был невероятным. Это уже второй раз, когда его так накрывало. К такому он не был готов и не мог понять, почему именно с ней он это испытает. Ведь не мальчик уже, столько женщин побывало в его жизни и вроде даже влюблялся во многих, да только такого ощущения, как с этой цыганкой, он никогда не чувствовал в себе. Возможно, ее

сопротивление его так заводило или она сама слишком нереальная, не такая, как у него были, ведь и вправду настоящая цыганка.

Встав и оправив одежду на себе, Гер краем глаза наблюдал, как девушка на ковре, свернулась, как и в прошлый раз, в позу эмбриона и стянув с кровати покрывало, завернулась в него.

Он сдержал в себе непонятный ему порыв и, придав голосу стандартные властные нотки, произнес:

– Доктор оставлял противозачаточные таблетки. Надеюсь, ты их начала принимать. Залетишь – он тебе всё выскоблит. Мне от тебя детей не нужно. Ты меня слышишь?

– У цыганок только от любви дети рождаются, – тихо произнесла девушка, но Гер слышал ее слова. Он помолчал, а затем вышел из ее комнаты.

Спустившись вниз и не смотря на Ковало, махнул рукой и пошел к выходу из дома. Ковало понял его жест и последовал за ним следом.

– Ей врач нужен? – спросил он.

– Да, пусть приедет, – сухо ответил Гер.

Ковало про себя чертыхнулся, но вслух промолчал, понимая, что что-либо говорить бесполезно.

Для Дары опять всё повторилось. Хотя Гер был прав – что теперь-то переживать. Себя она не сберегла и уже неважно – один раз это с ней будет или несколько. Ни на что это не влияет, только, наверное, для нее самой было всё это важно. Не хотела она потерять себя, не сможет она жить, зная, что уступила не сопротивляясь, что сдалась. Нет, пусть лучше так – через побои, кровь и боль, так лучше. Так ей понятней – она сделала, что могла, она сопротивлялась. Дара прижимала пальчики к носу, из которого так и шла кровь.

Сколько так она лежала, она не знала, постепенно проваливаясь в сон, потом вздрагивая от шагов за дверью.

Дверь открылась – она сжалась в комочек и услышала голос доктора. Он выставил за дверь охрану и, подойдя к ней, перевернул ее, заглядывая в лицо. Дара была благодарна ему, что он ничего не стал говорить. Скорее всего, на его практике были случаи и похуже. Она не хотела ни слов жалости, ни слов успокоения.

– Давай я помогу дойти тебе до ванны.

Дара кивнула и почувствовала, как он помогает ей подняться. Опираясь на его руку, она дошла до ванной комнаты и уже не стесняясь врача, скинув покрывало, зашла в душевую кабину.

Как же хорошо было стоять под струями воды и смывать с себя всю эту грязь.

Доктор не отходил от нее, наверное, боясь, что она может упасть.

Когда она вышла из душа, врач подал ей полотенце и опять помог дойти до кровати, а дождавшись, когда она ляжет, стал обрабатывать следы побоев. Закончив с этим, он сделал ей по вене укол, и Дара ощутила, что проваливается в сон.

Ковало сам перезвонил врачу и подробно расспросил его о состоянии цыганки. Врач был сдержан, и по его тону Ковало чувствовал, что тот еле сдерживается, чтобы не нагрубить ему. Ковало понимал пожилого доктора, но только что он мог сделать. Одно его порадовало, что в этот раз всё было не так серьезно. Хотя побои все равно были, и назвать это несерьезным было тяжело. С утра он поехал вместо офиса в коттедж. Зайдя в комнату Дары, застал ее сидящей в кровати и кутающуюся в одеяло.

Ковало подошел к ней и аккуратно поднял ее лицо, которое она старалась скрыть от него, отворачиваясь и закрывая лицо кудрями волос.

По характеру побоев Ковало оценил слова доктора, что в этот раз всё было не так страшно, как в первый. Действительно, всего лишь опухший нос и разбитая губа, да и небольшой синяк на щеке.

Девушка зло посмотрела на него, сверкнув темнотой глаз, и отшатнулась от его руки.

– Постарайся в следующий раз быть с ним чуть более уступчивой, – Ковало и сам не знал, зачем он завел эту беседу, – Гер не такой плохой. Просто тебе ненужно злить его.

Цыганка молчала, продолжая прятать лицо под кудрями волос. Ковало вздохнул, понимая, что из него плохой советчик. Тем более, ничем особым успокоить её он не может. Постояв, он пошел к двери.

– Можно я сегодня не пойду в сад.

Ковало обернулся на слова девушки.

– Конечно, я скажу охране. Если не хочешь – можешь и завтра не идти.

– Спасибо.

Видя, что девушка опустила голову, он вышел из комнаты. Ковало осознавал, что всё происходящее ему давно уже не нравится. Даже в его понимании это был перебор. Хотя как раз он отличался большей жестокостью по сравнению с Гером. Только вот сейчас то, что делал Гер, переходило все рамки разумного, и даже Ковало этого не понимал – зачем Гер так себя ведет с этой девчонкой.

В это день картина в офисе повторилась – Гер стоял и пил виски, хотя и был день. Ковало сам налил себе, не дожидаясь приглашения.

– Как она?

– Странно, что тебя это интересует, – Ковало плюхнулся на длинный кожаный диван и положил ноги на невысокий журнальный столик перед ним.

– Да, меня это интересует, – сухо произнес Гер.

– Док сказал, что в этот раз лучше, чем в прошлый. А она просила пока в сад ее не выводить. Что тебе еще интересно?

Гер неопределенно пожал плечами.

Ковало, видя, что тот молчит, продолжил:

– Она всего лишь девчонка, на двадцать с лишним лет младше нас. Может, не стоит с ней так поступать?

– Я не понимаю ее сопротивления. Хорошо, в первый раз это понятно. Но сейчас? Можно было быть посговорчивей. Я готов быть нежным с ней. Но она не оставляет шансов – ведет себя, как дикая кошка. Чуть глаза мне не выцарапала.

Гер, повертев пустой бока в руке, поставил его на стол.

– Я сам не понимаю, почему рядом с ней я теряю контроль. Хотя нет, понимаю. Никто и никогда так не сопротивлялся мне... Ладно, хватит о ней. Что по нашим делам? Кстати, нам дорого стало "отбелить" себя перед прессой после подставы с наркотиками на нефтебазе. И, думаю, еще придется денег нормально отвалить, чтобы до конца всё замять.

– Это дела ее отца. Она здесь не причем.

– Хватит уже о ней. Не старайся – моя совесть не проснется, меня уже не переделать. А она, если не хочет повторения такого, пусть научится себя вести.

Ковало понимал, что более эту тему не стоит поднимать и решил, что пока Гер к ней не поедет, так как лицо девчонки опять будет долго заживать, а значит у всех есть время на передышку.

Поставив тарелку с борщом перед своим мужем, Роза заботливо поправила нарезанные кусочки черного хлеба в плетеной корзиночке на столе и специально чуть замешкалась, наде-

ясь, что Мирчи наконец обратит на нее внимание. Но мужчина, взяв кусок черного хлеба, стал есть борщ, дуя на ложку, с которой вверх поднимался прозрачный дымок.

В дверь позвонили и Роза, поняв, что не успела ничего сказать, вздохнув, пошла открывать.

В дверях стоял Шандор и его друг Ромо, а во дворе толпились его люди, недобро бросая взгляд на людей Чечера.

– Барон дома? Разговор к нему есть. Поди, скажи ему, – Шандор смотрел поверх головы Розы и так зная, что барон дома.

Роза захлопнула перед носом Шандора дверь и вернулась на кухню, где ее муж продолжал невозмутимо есть горячий борщ.

– Шандор приехал со своими...

– Зови, – перебил ее барон.

Когда в просторную кухню, расположенную на первом этаже коттеджа, вошли Шандор и Ромо, барон поднял на них недобрый взгляд.

– Здравствуй, барон. Звал? – Шандор отодвинул стул от стола и сел.

– Я не приглашал тебя за стол, – Мирчи отодвинул от себя пустую тарелку.

– А я думал – к обеду пригласил. Напоишь, накормишь...

– Встань из-за стола.

То, каким тоном это произнес барон, не оставило даже у Шандора желания продолжать сидеть на стуле. Он нехотя встал. А Ромо, так вообще все это время стоявший в проеме двери, даже попятился назад.

– Хорошо, я и стоя тебя выслушаю, – Шандор не хотел обострения и так непростых отношений с бароном, поэтому хоть и нехотя, но подчинился его приказу.

– Зачем Полонскому наркотики подкинул?

– Ах вот для чего ты меня позвал, – Шандор знал, что курить в доме барона нельзя, но демонстративно достав сигареты, закурил. – Знаешь, я все-таки цыган и за своих привык вступаться. Полонский твоих людей избил, дочку забрал... и что, я должен был спокойно сидеть и на все это смотреть?

– Ты не цыган... ты не чтить традиции и не уважаешь старших, так как и твои люди. Всё, что касается Полонского – это мои дела. Не лезь туда. Иначе...

– Иначе что? – Шандор выпустил струйку дым, на его губах играла улыбка.

– Я тебя предупредил. А сейчас уходи, – Мирчи не хотел сейчас, когда и так всё было шатко, еще и с Шандором и его людьми обострять отношения.

– Ухожу, хотя ты мог бы и обедом угостит, – Шандор двинулся к двери, затем обернулся. – Когда Полонский выкинет твою дочку, наигравшись с ней, отдай мне ее. Замуж не возьму, но заботиться буду.

– Я не намерен с тобой что-либо более обсуждать. А по Даре я своего решения не отменю – ты ее не получишь!

– Это мы еще посмотрим.

Более ничего не говоря, Шандор вышел из кухни барона, за ним следом шел Ромо. Во дворе Шандор и Ромо сели на заднее сидение своего Мерседеса, и весь эскорт из нескольких машин выехал из ворот коттеджа барона.

– Это мы еще посмотри, – повторил негромко Шандор, затем повернулся к Ромо, – еще раз на базу Полонского наркоту подбрось.

Ромо довольно улыбнулся и кивнул. Ему нравились такие дела. Ему вообще нравилось быть с Шандором, с таким безбашенным никогда не соскучишься.

Подслушав весь разговор за дверью, Роза зашла в кухню с лицом невинного агнца, и убрала грязную тарелку со стола. Накладывая второе она, не оборачиваясь, заговорила:

– Странный ты, Мирчи. Шандор тебе помогает, Полонскому вредит, а ты на него еще и злишься.

Мирчи даже и не удивило то, что Роза в курсе их разговора. Он достаточно хорошо знал свою жену.

– От его действий Даре будет только хуже.

– А я думала, ты за табор переживаешь. Люди Полонского сильно тогда цыган побили, двое еще в больнице лежат. А ты за эту переживаешь...

– Она и твоя дочь... хоть и не родная. Тоже могла бы хоть сочувствие изобразить.

– Сочувствие? Она всех нас опозорила! Или ты забыл – у тебя еще три дочери на выданье и сын маленький? Какого им теперь будет, когда все знают, что старшая дочь честь потеряла? Это пятно на всех нас!

– Еще ничего неизвестно... – хотя барон знал, что Роза права в своих словах, но как же больно было это осознавать.

– Отдай ее Шандору. В нашем доме ей не место!

– Это только мне решать! И хватит об этом.

Роза замолчала, зная, что с мужем лучше не перегибать палку. Пусть понемножку, но как говорят – вода камень точит. А уж она знает, как сделать так, чтобы убрать из их дома эту ненавистную Дару. Хотя ее дочери тоже были красавицами, да только барон любил Дару, она ведь от Лили Серебряной. Той, которую Мирчи в душе будет любить всегда.

Глава 6

Из глубины зеркала на Дару смотрела девушка с яркой восточной внешностью. Алые губы не требовали помады, а густые черные брови – подводки. Только вот красивые глаза цвета ночи таили в своей глубине отчаяние. Дара отвернулась от зеркала, понимая: ее лицо зажило, и тот, кого она ненавидит сейчас больше всего на свете, опять придет к ней. За эти дни она столько всего передумала, столько раз обходила свою комнату в поисках шанса на побег, а гуляя в саду, всматривалась в высоченный забор, надеясь найти хоть одну подсказку, как ей спастись. Но ничто не давало ей шанса. И тогда ее мысли опять возвращались к Полонскому. Гер... она боялась его. Он бил ее, и в каждом его ударе она чувствовала злобу и ненависть. От этого становилось еще страшнее. Его глаза, которые раньше для нее были медовыми, теперь ассоциировались только с глазами тигра. Там была звериное желание обладать ею. Она видела это в мерцании его глаз, чувствовала в воздухе, который пропитывался накалом страсти, и ощущала в себе, когда он брал ее, не щадя.

Теперь, изо дня в день подходя к зеркалу, она видела, что время, когда он придет, стремительно приближается. Нужно что-то предпринять, но что? Нет, травиться и топиться она не собиралась. Она твердо решила убежать от него. Тогда нужно бороться. Но как? В очередных метаниях по комнате Дара увидела небольшую вазочку на трюмо с искусственными цветами. Она взяла ее и, зайдя в ванную комнату, завернула в полотенце, а потом этим кулком ударила о край ванны. Вазочка раскололась. Самый большой осколок Дара взяла и, вернувшись в комнату, спрятала под кровать. От чувства мнимой защищенности стало немного легче.

Выйдя из кабинета министра после удачных переговоров об экспорте пшеницы в африканские страны, обеспечивающем прикрытием для переправки туда оружия, Гер шел по коридору к лифту. Там он увидел Ковало, и его настроение резко упало. Он уже чувствовал, что произошло что-то плохое, иначе Ковало не приехал бы за ним сюда.

Выйдя из лифта и шагая по холлу до больших стеклянных дверей, они молчали. Только сев в машину, Гер, не оборачиваясь, сказал:

– Говори.

– Опять у нас наркотики нашли на нефтебазе. Но сейчас всё очень лажово... Хотя для прессы это неважно. Там уже все: журналоги, телевизионщики... Скандал раздувают.

Ковало помолчал, затем посмотрел на Германа.

– Мне кажется, это не барон подбросил. Слишком грязная работа... Да и зачем ему? Он ведь понимает, что всё дочке аукнется.

– Может, и не барон... Я тоже об этом думал. Но цыгане – это точно. Камера в прошлый раз цыган зафиксировала. Думаю, и сейчас что-то увидим. А если цыгане – для меня они все едины.

Гер неспешно достал из пачки сигарету и, поднеся к ней зажигалку, высек огонек пламени.

– Поехали разбираться с этим, а потом в коттедж. Видно, кто-то очень хочет, чтобы дочке барона аукнулось. Так не будем разочаровывать его.

Дверь в комнату распахнулась неожиданно. Дара так и застыла, держа в руке лист бумаги, из которого делала кораблик. Гер с силой захлопнул дверь за собой. От него веяло дорогим табаком, алкоголем и злостью.

– Детка, иди ко мне, – говоря это, он скинул пиджак и затем ослабил узел галстука.

Дара спрыгнула с кровати и незаметно скользнула рукой под нее. Нашулав осколок от вазочки, она быстро взяла его в ладошку и крепко сжала.

– Ты опять хочешь поиграть? – в его голосе чувствовалось раздражение. – Только вот сегодня я не намерен это делать, у меня был тяжелый день.

Гер злился на этих цыган, из-за которых он сегодня опять разруливал всё с прессой, телевидением, а затем делал звонки нужным людям. Как же за всё это он ненавидел этот сброд. И вот эта, с длинными волосищами, одна из них.

Он быстро обошел кровать, на ходу снимая рубашку.

Теперь Дара могла полностью рассмотреть его – красивый торс с кубиками пресса, ни грамма жира. На руках татуировки, невиданными экзотическими узорами идущие к плечам. Она стала отползать по ковру, чувствуя, что ей страшно.

Видя, что цыганка пытается уползти, он схватил ее за руку и дернул на себя. И сразу почувствовал, как в бок впилось что-то острое. Он инстинктивно прижал руку к боку и увидел на пальцах кровь.

Девчонка вырвалась и отбежала, держа в руках окровавленный осколок.

– Я люблю кровь... – Гер поднес окровавленные пальцы к губам и слизал с них капли крови. Он чувствовал, что это всего лишь порез – силенок у нее не хватило пырнуть его. Да и таким осколком сложно это сделать, вот и себе руки порезала. Он видел, что по ее пальчикам струится кровь.

Дара, видя приближающегося мужчину, стала отступать, но сзади была стена, и она уперлась в нее спиной. Ее сердце учащенно билось, дыхание сбивалось, а руки тряслись. Она никогда никому не причиняла боль, а здесь ей пришлось всадить в этого человека осколок вазы, и она не знала, насколько сильно получилось. Чувствуя боль в ладони, сжимающей осколок, она перевела взгляд на свою руку и увидела кровь. Ее пальчики инстинктивно разжались. В этот момент Гер перехватил ее кисть, и осколок выпал на пол.

– Не зли меня... Я и так еле сдерживаюсь...

– Ненавижу!

Дара с отчаянием забилась у него в руках. Удар в солнечное сплетение перекрыл воздух, и она скрутилась пополам, пытаясь дышать. Дальше всё было как в тумане: треск рвущейся одежды, его руки на своем теле, а потом наполненность внутри.

Она повернула голову и, смотря в его глаза, произнесла:

– Ненавижу тебя...

– Люблю таких... Ты меня этим сильно заводишь... – через срывающееся дыхание произнес Гер, продолжая подаваться бедрами вперед.

Дара попыталась подергаться, и он отстранился от нее. Грубо схватив, перевернул лицом вниз и, приподняв её бедра, с размаху вошел в нее опять.

Так ей было даже легче. Она не видела этих глаз, не чувствовала его дыхание. Дара уткнулась лицом в покрывало и старалась сдерживать слезы. Только не плакать! Она не должна показать ему слез. Она сильная и не доставит ему радость, не позволит увидеть ее раздавленной.

Закончив, Гер встал и, стоя рядом с кроватью, стал одеваться. Порез на его боку уже не кровоточил, в отличие от пальчиков и ладошки Дары, которые были все в крови. Он перехватил ее руку и, посмотрев, отпустил.

– С тобой мне всё лучше и лучше... И что ты так каждый раз ломаешься? – наверное, после полученного удовольствия Гера потянуло на разговор. Да, сегодня ему опять было хорошо, слишком хорошо, и это даже напрягало. Так как цыганка – лишь часть плана мести этому барону и не более.

– Отец за меня отомстит! – Дара отползла по кровати и подтянула ноги к подбородку.

– Ты в этом уверена?

– Ты не знаешь цыган! Мы одна семья и не бросаем своих в беде. Отец спасет меня, а тебя убьет! – этот тон и взгляд Гера дали ей силы высказать ему всё, что она так долго в себе держала.

Гер понял, что впервые слышит ее голос. Ему понравилось ее произношение с небольшим акцентом, это придавало ее голосу восточную мелодичность. А ее напыщенная речь и вера в своих его позабавили. Она ведь еще не знала, что происходит за пределами ее комнаты.

– Знаешь, детка, мне придется разрушить твою веру в семью. Тебе бы лучше со мной поласковее быть, а то и пойти будет некуда, когда мне надоешь. А так, глядишь, при себе оставлю.

Еще раз окинув девчонку взглядом, Гер вышел из ее комнаты.

Дара опять чувствовала себя лишь куском плоти, который использовали ради собственного удовольствия. Это было мерзко. Так мерзко, что хотелось выть. Хорошо, что боль в порезанной руке отвлекала, и она смогла сдерживать слезы. Но когда шаги Гера стихли в коридоре, она, согнувшись пополам, уткнулась лицом в подушку и беззвучно заплакала.

Все это время Ковало, сидя в просторной гостиной, щелкал пультом телевизора, зная, что Гер скоро вернется, и они поедут в Москву. О том, что сейчас происходит на втором этаже, он не хотел думать. Это не его дело, и вообще ему всё равно. Только вот не всё равно ему было, и поэтому он пытался сосредоточиться на сюжете телепрограмм, чтобы отогнать ненужные мысли.

Когда по ступенькам со второго этажа спустился Гер, прижимая к боку платок, Ковало встал и, всматриваясь в его лицо, пытался понять, что там случилось.

– Где у нас аптечка?

Ковало достал ее из шкафчика в углу рядом с камином.

– Что с тобой?

– Кошка эта дикая порезала. Ничего страшного, царапина. Пластырем сейчас заклею.

– Сначала перекисью, – Ковало подал Герману перекись и вату.

Уже выходя из дома, Герман произнес:

– И ей врача пришли.

– С ней что?

– Руку порезала.

Всю неделю Гер был занят проблемами с цыганами. Разобравшись с наркотиками и кое-как замяв очередной скандал, он узнал, что у него пропал Камаз с грузом. Машина перевозила из Тулы партию оружия и пропала в районе, подконтрольном цыганам. Убыток от такой потери составлял около двух с половиной миллионов долларов. Это были уже не шутки. Оружие было проплачено африканским князьком, и его ждали. И вот машина с оружием просто исчезла.

Незримая война между ним и бароном продолжалась и переходила в стадию зримой. После пропажи Камаза люди Гера, под руководством Ковало, совершили ночной налет на людей барона и долго выбивали из них информацию, где искать груз. Правда, те так ничего и не сказали, и всё это порядком раздражало Гера. Он не желал подобного развития событий. Он хотел, чтобы цыгане ушли с этих земель, и тогда всё было бы тихо и спокойно. Только барон не убирал своих людей с территории Полонского, считая ее своей, и Гер понимал, что серьезного конфликта уже не избежать.

Слушая рассказ Ковало о безуспешном поиске Камаза, который как испарился, Гер расхаживал по кабинету, злясь, что столько времени уделяет всему этому. А ведь у него и легальный бизнес есть, который тоже требует времени. Он вспомнил, что в эту субботу в загородном клубе его ждали на очередную вечеринку его бизнес-друзья.

– Хватит об этом, я всё понял, – перебил он Ковало, – кстати, ты помнишь, что в эту субботу поедем в клуб?

– А я думал, ты забыл. Хотел уже напомнить.

– С этими цыганами обо всем забудешь. О цыганах... – Гер задумался, – дочку барона с собой захватим. Ты ей одежду купи – их, цыганскую, и поярче, и всё, что нужно: серьги, бусы...

– Что ты задумал?

– Хочу с дочкой барона в клуб сходить... Да и друзьям обещал ее показать. Спрашивали о ней – хотят увидеть настоящую цыганку, – Гер коварно улыбнулся.

– Там иногда из цыган тоже ребята отдыхают.

– Так и хорошо. Барон узнает, что его дочка по клубам со мной ходит, не скучает, – Гер продолжал улыбаться.

– Хорошо. Но я не уверен, что она захочет идти, – Ковало уже сейчас понимал, что нереально будет заставить Дару пойти в клуб.

– Я никогда не сомневался в твоём профессионализме, – Гер произнес это сухо, с подтекстом, и Ковало понял, что сейчас Гер не шутит, и выбора у него нет: или он заставит ее идти, или... То, что Гер и его не пощадит, Ковало прекрасно знал, столько лет работая на него.

– Будет выглядеть как настоящая цыганка. Только все же не понимаю, зачем тебе это.

– Пообломать ее хочу. Вести себя нормально научить. Дикая очень.

– Приручить хочешь? – спросил Ковало.

– Да, приручить и выкинуть. Пусть это ей будет хорошим уроком. Да и папеньке ее.

– Как долго ты будешь ее удерживать? – опять ощущение неправильности происходящего появилось в душе у Ковало.

– Пока пусть побудет у нас. Это гарант, что барон киллера не наймет. Тем более сейчас дела с нефтебазой пойдут, отвык я в бронежилете ходить. Как бы барон себя ни вел, а дочку он любит и поэтому на крайние меры не пойдет.

– В этом ты прав.

Ковало опять стало жаль девчонку, но он отогнал от себя эти мысли. Тем более сейчас ему нужно было жалеть уже себя. Если Полонский ждал от него результата в работе, значит, он не должен подвести его.

Неделя для Дары пролетела незаметно. Теперь она каждый день ждала прогулки в саду. Находиться в комнате было очень тяжело, всё в ней напоминало о произошедшем. Она не разрешала себе вспоминать о том, что здесь произошло. У нее была цель – побег от Полонского, а потом месть ему. И теперь она жила этим. Как сбежать отсюда и как мстить – слишком сложные вопросы, на них нет ответа, но это изо дня в день давало силы не сломаться. Она держалась и старалась ничем не показывать то, насколько ей плохо. Когда же под вечер дверь в ее комнату открылась, она вздрогнула, и бумажный кораблик в ее руке порвался – насколько сильно она сжала свои пальчики.

В комнату зашли Ковало и его люди. Они принесли пакеты и коробки в обертках. Пакеты положили на диван, а коробки поставили на стол.

Ковало по-хозяйски прошелся по комнате, затем остановился перед девушкой. Дара встала с ковра, продолжая теревить в руках остатки бумажного кораблика. Ковало видел ее состояние, и по тому, что осталось от бумажной поделки, оценил то, что с ней творится. Это ему на руку. Значит, нужно совсем немного поднажать, и она сдастся. Как психолог, ломавший людей намного сильнее этой девчонки, он знал это. Практика у него была большая.

– Хороший был кораблик, – Ковало перевел взгляд на смятую бумажку в ее руке. – А я вот не умею такие делать. Научишь?

– Ты не за этим сюда пришел, – Дара пыталась придать голосу уверенности и не показывать, как ей страшно.

– Нет, не за этим. Тогда перейдем к тому, зачем я здесь. Сегодня суббота, хороший день для отдыха. Герман тебя в клуб приглашает съездить, развеяться, – Ковало изучающе смотрел в

лицо девушки, видя, что пока она лишь слушает и не противоречит ему. – А вот это, – он кивнул на пакеты и коробки, – для тебя. Там одежда, украшения, косметика. Цыганская одежда.

Дара перевела взгляд на пакеты и коробки, и до нее стала доходить суть сказанного.

– Он меня вырядить хочет и выставить для своих друзей на обозрение, как зверушку?

– Нет, он просто в клуб с тобой сходить хочет. И думал, что раз ты привыкла ходить в цыганском, то тебе так будет комфортней, – он опять кивнул на коробки на столе.

Дара подошла к дивану и, взяв одну из сумок, вынула из нее то, что там было. Пестрая ткань с яркими цветами и блестками по окантовке аж резала глаза. Дара отбросила от себя юбку и вытряхнула содержимое следующего пакета. Такая же яркая блузка с блестками и шаль со стразами и подвесками засверкали у нее в руках. Отбросив это, она подошла к коробкам, стоящим на столе. Нервно разорвав обертку, Дара открыла коробку. Там была косметика, достаточно ярких тонов, как она успела увидеть. В другой коробке лежала бижутерия – яркая, крупная, безвкусная.

Девушка зло обернулась на Ковало и сверкнула черными как ночь глазами.

– Он хочет меня нарядить, как на карнавал? Поиздеваться надо мной захотел?

Все это время Ковало спокойно созерцал ее действия, предвидев это. На ее возмущение он лишь улыбнулся.

– По-моему, это ваша национальная одежда. Ты сама в таком наряде была, когда тебя поймали. Так что тебя сейчас возмущает в этих вещах?

– Такое цыганки не носят! Это театральная одежда. Я это не надену! Я вообще никуда не поеду!

Дара отошла от вороха пестрых вещей на полу и, подойдя к кровати, села, показывая всем своим видом, что разговор на этом завершен.

Ковало знал, что первая часть представления отыграна, и именно так, как он и предполагал. Сейчас начиналась вторая часть.

Он опять по-хозяйски прошелся по комнате и, повернувшись к своему человеку, сухо произнес:

– Домработницу пригласи сюда.

Дара непонимающе смотрела на Ковало не зная, чего теперь ждать.

Вскоре в комнату зашла пожилая домработница, которая убиралась в комнате Дары и приносила ей еду.

– Доброго вечера, Вероника Петровна, – Ковало скользнул взглядом по женщине, – в последнее время Полонский очень недоволен вашей работой. В доме грязно, вы явно плохо выполняете работу, за которую он вам платит. Вот, посмотрите сами, – Ковало подошел к подоконнику и провел по нему пальцами. – Видите, пыль? А на окно посмотрите – оно всё в разводах. Когда вы его мыли в последней раз? Ковролин в мусоре и крошках, – Ковало демонстративно провел носком дорогого ботинка по светлому ворсу ковролина, – на мебели пыль... Вообще, что об этом говорить. Сегодня получите расчет за минусом ваших недоработок, а с завтрашнего дня вы уволены. Это всё.

Пожилая женщина всё это время стояла с удивленным лицом, и так же, как и все, наблюдала за действиями Ковало. Но потом, когда заключительные фразы дошли до ее сознания, на ее глазах выступили слезы.

– Вы же знаете – у меня внуки, а дочка в больнице... Я без этой работы не вытяну внуков... Да как же так? За что? Я ведь столько лет работала, и господина Полонского все устраивало... Пожалуйста, не увольняйте... Я всё вымою... Вот увидите... – она нервно вынула из кармана платок, и протерла глаза, приподняв очки.

Дара не могла больше видеть слезы пожилой женщины. У нее в душе всё переворачивалось от того, что сейчас происходит. Она ведь видела, что в комнате всё идеально чисто, и домработница всегда фанатично здесь убиралась, да и Дара сама стирала пыль с мебели. Уж

она-то не привыкла к барским замашкам, чтобы за ней убирались. И ковролин идеально чист. Придаться вообще не к чему. И тогда она поняла смысл всего этого.

– Я поеду в клуб! – она прыгнула с кровати и, подойдя к Ковало, встала перед ним, загородив собой Веронику Петровну. – Тогда вы ее не уволите?

– Ты не только поедешь в клуб, ты наденешь всё это на себя, – Ковало кивнул в сторону пестрых тряпок на ковровине, – ты направишься и будешь очень красивой, и ты будешь себя очень хорошо вести. И если сегодняшний вечер пройдет хорошо, и Полонский будет тобой доволен, тогда она, – он кивнул на домработницу, – останется при работе. Тебе всё ясно?

– Да!

Сказав это, Дара развернулась и пошла к валяющимся пестрым тряпкам.

– Может, вы выйдете отсюда? Мне нужно переодеться, – она с вызовом посмотрела на Ковало.

– Оденешься – спускайся вниз. Я тебя там жду. И чтобы недолго.

Ковало первым вышел из ее комнаты. За ним последовала Вероника Петровна, еще находящаяся в состоянии стресса от всего произошедшего, а затем и его люди. Он знал, что хорошо выполнил свою работу. И еще его радовало, что не пришлось ни к кому применять физического воздействия. Вот этого он всё-таки не хотел, хотя раньше такие моменты его не смущали.

Дара стерла с глаз злые слезы. Она понимала, что по-другому поступить не может. Да и что это меняет в ее жизни? Теперь уже ничего. Пусть она, ряженая в этот маскарад, пойдет с Гером в клуб. Пусть ее увидят с ним, хотя это и будет катастрофа. Может, отец поймет потом, почему она так поступила. Когда она сбежит, она всё сможет объяснить отцу, и он обязательно поймет, что не могла она спокойно смотреть, как издеваются над пожилой женщиной. Значит, она пойдет в клуб и будет вести себя тихо и спокойно, а там, возможно, у нее будет шанс сбежать... Дара задумалась. Может, и к лучшему, что ее вывезут отсюда? Ведь то, что из коттеджа не сбежать, она поняла уже давно. Значит, она попытается это сделать в клубе.

Глава 7

Услышав шаги, Ковало обернулся. Дара спускалась по широкой лестнице, одной рукой придерживая длинную пеструю юбку. Многочисленные браслетики на ее руке тихо позвякивали на каждом шагу. Ковало завис, смотря на нее. То, что она красива, он знал, но сейчас эта экзотическая красота заиграла яркими красками. Косметика подчеркнула ее природные черты, придав взгляду глубину, помада усилила яркость губ. Многочисленные бусы на шее, серьги в виде колец и браслетики на изящных ручках очень ей шли. Смоляные волосы, не сдерживаемые ничем, ниспадали по ее спине. Только алая роза в них подчеркивала контраст цвета – черный и красный. Яркая юбка и блузка с характерными для цыганского наряда свободными рукавами завершали образ. Ковало заставил себя отвести взгляд, ругаясь и напоминая себе, что у него Ирэн, а это всего лишь его работа. Его люди из охраны, видимо, тоже были поражены увиденным и также, застыв, рассматривали Дару.

Девушка прошла мимо них с гордо поднятой головой и направилась к двери, которую перед ней открыл стоящий там охранник.

Ковало опомнился и последовал за ней, опять понимая, что ему совсем не нравится происходящее. Да, конечно, Гер был прав, захватив дочку барона в виде гаранта их жизнью. По-другому, к сожалению, в таком бизнесе никак нельзя. От киллера может спасти только везение, но Полонский слишком давно в этом бизнесе и не верит в него. Вот поэтому и решился на похищение девчонки. Правда, к похищению он добавил еще и месть за несговорчивость барона. А вот эта месть и не нравилась Ковало. Девчонка была здесь совсем ни при чем, да только кому это интересно? «Мир жесток», – опять подумал он, садясь в машину.

Когда машина тронулась, Дара отвернулась к окну и попыталась отвлечься на пейзаж за окном, не позволяя паническим мыслям захватить сознание. Пока она одевалась и красилась, она ощущала себя как в вакууме. Как будто вокруг всё умерло, и наступила тишина. Идеальная тишина: ни мыслей, ни звуков, ни ощущений. Дара всё делала механически, просто делала это и всё. Только сев в машину, она опять почувствовала, что звуки словно включили, и на нее хлынул поток мыслей.

Машина и сопровождающие ее два джипа охраны остановились у ступенек, ведущих в клуб. Дара с безразличием смотрела на красиво одетых людей, выходящих из клуба подышать воздухом и поговорить, и тех, кто только приехал в клуб. Она должна выйти из машины и пойти туда. Раньше она и не мечтала попасть в такой клуб. Кто бы ее пустил туда? А сейчас у нее есть такая возможность, только вот радости в этом нет. Потом ее взгляд привлекла вывеска, переливающаяся неонами и разноцветными лампочками. «Мятный Рис» – прочла Дара. Дурацкое название... И тут она вспомнила. Да, она слышала от подружек об этом клубе. И запомнила название только потому, что рис не может быть мятным – они долго это обсуждали. Клуб находился в элитном коттеджном поселке, и сюда приезжала золотая молодежь, проживающая в окрестностях. Хотя и из Москвы сюда тоже ездили, считая это заведение модным.

Об этом Даре рассказывали ее подруги, и еще они говорили, что сюда ездят Шандор и Ромо со своими людьми. Только они, нарушая правила, посещали такие заведения, так как цыгане из табора барона не пускали в этот клуб своих сыновей. Встретить здесь Шандора Дара не хотела. Она вообще не хотела, чтобы отец узнал, что она пошла в клуб, но надеялась объяснить отцу, почему она это сделала. А вот если Шандор и его люди увидят ее здесь – эта новость моментально облетит всех цыган, и что тогда подумает отец? От этого Даре стало не по себе.

– Что заснула. Выходи, – Ковало стоял у открытой двери.

Дара не хотела, но, медленно выдохнув, вышла из машины. Ее яркий внешний вид моментально привлек внимание стоящих на ступеньке людей. На нее стали оборачиваться, показывать пальцем, перешептываться. Девушка шла с гордо поднятой головой, стараясь

сохранять невозмутимое спокойствие. И ей это даже удавалось. Всё-таки хорошо, что она с детства привыкла быть на виду. Участвуя в концертах в разных городах, путешествуя с табором, она привыкла к вниманию и взглядам толпы, и сейчас это ее не тревожило. Было то, что действительно для нее было страшным. Это тот, кого она не хотела видеть, тот, кого она ненавидела – Гер.

– Тебя можно поздравить с новым приобретением? – сидящий рядом с Гером на диване мужчина поднял бокал. – Друзья, поздравим Германа с удачным вложением денег в нефтебазу. Сидящие на диванах вокруг невысокого столика мужчины подняли бокалы.

– Вижу, ты держишь свое обещание, – смотря на приближающуюся к их столику цыганку в сопровождении Ковало, произнес мужчина. – Хороша... Поделишься?

Гер метнул не очень дружелюбный взгляд на говорившего и снова взглянул на приближающуюся цыганку. Впрочем, на нее сейчас смотрели все. Она выделялась из общей массы, как экзотическая птица. Многие даже перестали танцевать, так и замерев на танцполе и провожая ее взглядом.

Подойдя к столу, Дара замерла. Она чувствовала на себе взгляды окружающих, но это ее не волновало, только его взгляд порождал в ней дрожь. Она опять заставила себя дышать как можно ровнее и подняла глаза.

Гер чувствовал, как погружается в темень ее глаз. Они прожигали его, и он видел в них ненависть. В какой-то момент эта сила, исходящая от девушки, заставила его замереть и почувствовать озноб. Но он быстро взял себя в руки. Девчонка его забавляла. Не боится его и не собирается подчиняться.... Хотя ведь сюда-то приехала, а значит, Ковало удалось ее сломать. Гер оглядел ее оценивающим взглядом. Она была хороша настолько, что внутреннее желание обладать проснулось в нем, хотя до этого он держал в объятиях откровенно одетую девушку, и ему даже нравились ее пухленькие губки. Только вот при появлении цыганки всё померкло, и осталась только она. Геру не нравилось это. Девчонка лишь гарант его жизни, и через нее он поставит барона на колени, хотя теперь у него есть азарт и ее сломать. Слишком уж непокорная она оказалась. Не ожидал он такого.

После паузы, повисшей при появлении Дары, мужчины оживились и стали обсуждать ее так, будто она не стоит перед ними. Их слова были обидны, но Дара усиленно делала вид, что они не задевают ее.

– Гер, раз ты уж порадовал нас такой экзотикой, так пусть споет для нас и спляшет.

И все опять зашумели на эти слова. Некоторые стали напевать мотив из «Цыганочки». Дара слышала, насколько это звучит фальшиво, и еще ей было неприятно, что ее воспринимают как ту, которая должна петь и плясать. Почему они решили, что она должна петь и плясать перед ними? Только потому, что цыганка? Это странное отношение к ее национальности всегда ее корбило.

– Споешь для меня? – Дара услышала голос Гера.

– Я не собираюсь развлекать тебя, – с вызовом сказала Дара. Все-таки присутствие такого количества народа вокруг давало моральную поддержку. Она знала, что Гер не станет применять силу здесь.

– Ковало, – Гер перевел на него потяжелевший взгляд, – ты плохо выполнил свою работу.

– Сейчас всё исправлю.

Ковало грубо взял Дару под локоть и, отведя от стола, развернул лицом к себе.

– Видишь этот телефон? Один звонок – и Вероника Петровна прямо сейчас будет выпроложена из коттеджа без оплаты. Мне звонить?

Дара понимала, что это тупик. Что делать – она не знала. Насколько эта угроза реальна? Возможно, Ковало так и не поступит, хотя... что его удерживает? Найти новую домработницу

на хорошую зарплату всегда можно. Дара вспомнила лицо Вероники Петровны, вспомнила ее слова о больной дочке и внуках...

– Что петь?

– Я-то откуда знаю... Свое, цыганское. Пойдем.

Ковало подвел ее к невысокой сцене, где под забойную музыку извивались полуголые девушки. К ним подошел мужчина. Судя по разговору с Ковало, он отвечал здесь за всё.

Дара осталась с ним, а Ковало вернулся к столику, где сидела компания во главе с Полонским.

– Всё решено. Сейчас споем.

Ковало сел на свободное место и взял бокал с напитком.

– И как ты ее уговорил? – Геру действительно было интересно, как Ковало удалось так легко сломать девчонку.

– Интересуешься моими профессиональными секретами? – Ковало отпил из бокала. – Всё элементарно и просто – сказал, что уволю домработницу.

– Значит, она готова всё делать ради незнакомого человека? – задумчиво произнес Гер, смотря на сцену и на то, как ди-джей что-то обсуждал с цыганкой.

– Не думаю, что всё... Но некоторые моменты – да.

Ковало, как хороший психолог, понимал, что есть тонкая грань, когда человек готов переступить через себя ради другого, а когда не готов. Сейчас он рассчитал всё правильно, и вот результат – она покорна. Но он не строил иллюзий, что такое всегда будет прокатывать.

– Друзья, – сидящий справа от Гера мужчина поднял бокал, – за приятный вечер.

Раздался звон стекла, и Гер, ощущая, что вечер действительно удался, перевел взгляд на сцену. Оттуда зазвучала музыка. Та самая, настоящая, цыганская, которая так не вписывалась в окружающую атмосферу этого места. Музыка, которая хорошо звучала бы у костра в поле или в толпе на площади. Но никак не в таком суперсовременном клубе, где всё говорит о стиле и изыске, и где публика соответствует этому – такая же стильная и гламурная.

Но музыка звучала, и люди замерли, переводя взгляды на сцену. Туда, где в круге света стояла цыганка.

Полонский уже поднес бокал к губам, чтобы ощутить вкус дорогого виски, когда зазвучал ее голос. Сильный, звонкий и такой настоящий. Без синтезаторной обработки, без шлифовки. Так века назад пели те, кто кочевал по этой земле и любил свободу. В этом голосе не было фальши, он шел из самой глубины сердца и пронзал сердца тех, кто его слушал.

Она пела и, казалось, диапазону ее голоса нет предела. Но не только голос поразил Гера. Он видел, как девушка преобразилась. Она стала другой – настоящей. Она стала такой, какой он ее не видел никогда.

Дара в такт мелодии повела плечиком, слыша, как позвякивают на ее шее бусы с монетами, и, плавно подняв руку, заставила все браслетки зазвенеть и заиграть в лучах софитов.

Полонский видел, как девушка ведет плечиком в такт мелодии, как ее руки плавно чертят в воздухе невидимые рисунки, как она откидывает с лица упрямые локоны назад. Всё это завораживало настолько, что пространство вокруг него растворилось, и осталась лишь она в центре небольшой сцены, под лучами прожекторов. И звучал ее голос, который заглушал всё и проникал в самое сердце.

Слова песни лились из ее уст, и музыка всё убыстрялась, уводя за собой. Все находящиеся в зале были погружены в это волшебство. Голос девушки околдовывал своей чистотой и естественностью, которая не была испорчена рамками правильного вокала. Она пела так, как пели века назад ее предки. Хотя песня и была переделана под современный эстрадный вариант, но сама манера исполнения ее была настоящая. Поэтому и смогла она притронуться своей песней к сердцам тех, кто ее слушал.

Только когда звуки ее голоса растворились в пространстве зала, Гер понял, что так и сидит с бокалом в руке, не сделав ни глотка.

Дара стояла и смотрела перед собой. Когда она подошла к микрофону и услышала мелодию, она преобразилась. Она пела так, как всегда пела, когда выступала на концертах – искренне, отдавая всю себя без остатка. По-другому она петь не могла. Ведь песня – это ее душа. Так как она может обманывать свою душу? Как она может фальшивить и исполнять песню неискренне? Только когда мелодия стихла, и она услышала аплодисменты, Дара вернулась в свою грустную реальность.

Подойдя к девушке, Ковало повел ее через зал. Гер и его спутники двинулись им навстречу.

Голос Дары Шандор мог узнать из тысячи голосов. Как же удивительно она пела. Он всегда засушивался ею и часто специально приезжал туда, где она выступала. Стоя в толпе и скрываясь от ее взгляда, он смотрел на нее и мечтал, как она станет его. Мечты часто не сбываются, и это реальность жизни. Зато он точно знал, что свои мечты он сам заставит сбыться, не дожидаясь чуда.

– Кажись, дочка барона там на сцене заливается, – Рому тоже узнал этот голос. – Поди для Полонского поет. Быстро она для него всё делать стала.

– Рот закрой, – Шандору не нравился этот тон, хотя правоту его слов он и сам осознавал. Только не хотел слышать. Правда звучала слишком больно.

Шандор отпил из бока цветной коктейль и закурил, продолжая наслаждаться голосом Дары. Одной рукой он прижимал к себе вульгарно одетую блондинку, которая перебирала пальчиками толстую золотую цепочку на его груди.

– Чем болтать лишнее, отправь лучше наших людей. Пусть узнают, что да как, – Шандор кивнул на Дару.

– Будет сделано.

Ромо встал с дивана, предварительно отцепив от себя свою спутницу, такого же вульгарного вида. Обойдя стол, он пошел к выходу, махнув рукой стоящем невдалеке парням с явно цыганской внешностью.

Дара остановилась перед Гером и подняла на него глаза. В ее взгляде было столько нескрываемой ненависти, что даже Полонский поразился этому. Она не боялась его, как все, она его ненавидела. Это заводило Гера. Он чувствовал азарт. Это всегда ему нравилось в тех, с кем его сталкивала судьба – подчинять себе тех, кто тебя ненавидит. Он любил ломать и ставить на колени. Правда, до этого момента ломал он только мужчин, с женщинами такого делать не приходилось. Возможно, поэтому они и не были ему интересны. К женщинам он относился как к предметам, которые нужны в его жизни, а не как к личностям, которые могут его заинтересовать. В войне с бароном он видел очередной интерес для себя – сломать барона, заставить его признать свою силу. Победить сильного противника намного ценнее, чем слабого. Барон не сдавался, и у Гера не пропадал интерес к нему. Мало того, что барон оказался таким, так еще и его дочка такая же. Хотя до этого он ее и не воспринимал как личность. Да, красивая. Да, нужна ему в его игре. Да, привык он иметь таких, а потом они ему наскучивали – сами висли на шее. Здесь всё шло по-другому. Цыганка не сдавалась и вела себя не так, как он ожидал. Ко всему прочему, она еще и пела. Причем пела так, что даже его пробрало. Только слушая ее пение, он и увидел ее – настоящую, гордую, вольную, непокорную. И вот она стоит перед ним – и ни капли страха в глазах.

– Спляши для меня.

Несмотря на шум вокруг, Дара хорошо расслышала его слова, хотя Гер и произнес их негромко.

Дара хотела возразить, но, оглядев стоящих вокруг нее плотным кольцом мужчин, она встретила взглядом с Ковало. Сил выдерживать его угрозы по отношению к неповинной в этой ситуации домработнице не было. Дара кивнула и опустила глаза. Она ждала, когда зазвучит музыка. Сейчас ей было всё равно, что плясать, ей вообще было уже всё равно. Когда она пела, она перенеслась в свой мир, где была прежняя она – вольная цыганка, а зрители вокруг напомнили ей о ее выступлениях. Ей нравилось петь для людей. Ей нравилось своей песней дарить им радость. Вот поэтому, спев, она ощутила в душе такую опустошенность.

Опять зазвучала мелодия. Видно, Ковало дал команду ди-джею за пультом, и тот поставил диск с музыкой. Заиграла одна из зажигательных цыганский мелодий, под которые ноги сами идут в пляс. Дара ожила, и опять всё вокруг нее растворилось – осталась лишь она и цыганская музыка, музыка ее души.

Дара встряхнула кудрями, и ее изящные руки плавно взметнулись вверх. Мелодичное позвякивание браслетов Гер слышал даже сквозь шум музыки и замер. Дара была прекрасна, от нее нельзя было отвести глаз. Девушка плавно обошла по периметру площадку, и стоящие мужчины отступили назад, расширяя пространство.

Опять взмах руками и пол-оборота, и пестрая цыганская юбка, как ворох цветов, закружилась вокруг нее. Это завораживало, и уже никто не мог оторвать взгляда от пляшущей цыганки.

Гер видел, как она гибка и пластична. Казалось, ее ножки в изящных туфельках на невысоком каблучке не касаются земли. Дара опять прошла по периметру круга, в котором танцевала, плавно двигаясь, и, взяв в руки края юбки, взмахнула вверх. Как будто крылья экзотической бабочки запорхали за ее спиной. Мелодия убыстряла свой ритм, и девушка слилась с ней воедино. Цветастая юбка, звон браслетов, смоляные кудри и изящные руки – всё завораживало, и невозможно было оторвать взгляда от ее танца.

Когда в очередной раз вокруг Дары закрутилась ее цветастая юбка, Гер почувствовал, что у него перехватывает дыхание. А потом она упала на колени и, взмахнув кудрями, легла плечами на пол. Ее плечики заходили в такт музыке, а сама она стала медленно приподниматься с пола. Ее природная пластика позволила сделать это движение с такой легкостью, как будто в нем не было сложности. Она опять, откинувшись назад, провела копной кудрявых волос полный круг вокруг себя. Всё это было сделано с такой легкостью и пластикой, что зрители лишь замороженно любовались ею.

Древний танец, древний, как сам мир. Так танцевали ее предки веками, кочуя по этой земле. Она никогда не разучивала его движения. Она вообще не училась танцевать, она родилась с этим. Танец был в ее крови, он был частью ее, она была танцем, она цыганка – и этим всё сказано.

Глава 8

Музыка отыграла последний такт, и наступила тишина. Цыганская юбка взлетела, как ворох цветов, и опала вокруг фигурки девушки. Только позвякивание браслетиков на ее руках мелодично разливалось в пространстве переполненного зала.

Минутная пауза, а затем шквал аплодисментов. Все, кто хлопал ей в ладоши, были искренни в своем порыве. Такого танца, такой энергетики здесь никто никогда не видел.

Дара развернулась и направилась сквозь толпу. И только когда ее фигурка исчезла в массе людей и мелькании светомузыки, Гер и Ковало опомнились. Всё это время они как замороженные стояли и смотрели. Ковало был потрясен увиденным. Конечно, как и любой, он видел танец цыган, только здесь было другое. Он ощущал этот танец. Девушка дарила его тем, кто смотрел на нее. Казалось, она околдовала им зрителей.

Пройдя сквозь толпу, которая расступалась перед ней, Дара свернула в первый попавшийся коридор. Она шла, не видя никого и не смотря, куда идет. Дара и сейчас чувствовала на себе его взгляд – взгляд Гера. Он смотрел на нее, пока она танцевала. Она видела его глаза тигра – желтые, с холодным блеском зверя в глубине. Этот зверь пожирал ее, и она физически это ощущала. Всего один раз его взгляд изменился. На долю секунды их глаза встретились, и в глубине его зрачков она увидела себя. В эту секунду Гер стал другим, и ее кровь быстрее побежала по телу. Она чувствовала жар, который охватывает ее. Всего лишь секунда – и Гер опять смотрел на нее с надменной усмешкой на губах. Ей хотелось бежать от его взгляда, хотелось скрыться и успокоить сердце, которое так бешено билось в груди.

Шандор смотрел, как танцевала Дара. Он пожирал ее глазами и хотел лишь одного – чтобы она так танцевала только для него. Обводя взглядом тех, кто стоял вокруг Дары, Шандор увидел Полонского. Он был хорош, надменен и источал власть и силу. Его расстегнутая сверху рубашка, спадающие на глаза пряди волос и легкая небритость удивительно ему шли. Шандор не боялся его, но понимал, что это сильный противник. Только Дара стоит того, чтобы за нее бороться.

Танец Дары завершился шквалом аплодисментов. Видя, что девушка идет сквозь толпу, Шандор пошел за ней.

В полутемном коридоре с мигающими лампочками подсветки Дара остановилась и замерла. Жар внутри не проходил, ее тело горело, как будто и сейчас Полонский смотрел на нее. Резкий рывок – и ее буквально впечатали в стену. Дара вскрикнула, и сразу чужие губы накрыли ее. Только это не были губы Гера. Она забилась в чужих объятиях и стала отталкивать того, кто ее целовал.

Шандор сам отпустил девушку и, усмехаясь, произнес:

– Всегда мечтал об этом, – он провел пальцем по ее губам.

Дара с силой ударила по его руке. Шандор лишь усмехнулся.

– Тебе нужно быть поласковее со мной. Думать о будущем стоит. Или так и будешь у Полонского гостей развлекать?

– Не твое дело!

– Ещё как мое. Твой отец отдал тебя мне. Так что жду, когда надоешь Полонскому – себе тебя заберу. Передо мной плясать будешь.

Услышав это, Дара растерялась. Отец не мог так с ней поступить... Хотя, почему не мог? Ведь она опозорена. Осознание правды накрыло ее с головой, и она прислонилась плечами к стене.

Шандор, видя в ее глазах растерянность от услышанного, опять прикоснулся к ее губам, но сейчас лишь в легком поцелуе, и, сразу отстранившись, пошел по коридору.

С другого конца коридора появился Ковало и его люди.

- Сбежать хотела? – подойдя к ней и нависая над девушкой спросил Ковало.
- В туалет можно?
- Пойдем, провожу.

Дара пошла за Ковало, сзади нее шли еще три его человека. Она вспоминала слова Шандора и понимала, что они убивают ее правдой, которую она не хотела знать.

Хорошо, что в туалет ее пустили одну. Правда, сначала там всё проверил человек Ковало и выставил оттуда двух сильно накрашенных девиц. Только после этого туда зашла Дара. Она долго стояла у раковины, умывая лицо водой и боясь посмотреть на себя в зеркало. Теперь ей даже вернуться было некуда. Вариант с Шандором она вообще не хотела рассматривать. Лучше она отстрижет волосы и навсегда уйдет из табора, став проклятой всеми, и будет просто жить...

Нет, всё это неправильно. Она не хочет всю жизнь быть человеком без семьи, предков, без своих корней. Значит, не надо сдаваться. И тогда Дара подумала о Германе. Не может же в нем не остаться ничего человеческого. А если ей стать чуть поласковее с ним? Может, тогда он даст ей телефон, и она позвонит отцу. Ей очень важно позвонить и всё объяснить папе. Папа выслушает ее и поймет. И главное – она точно узнает, отдал ли он ее Шандору. Шандор лжив, и сейчас она ему не верит. Но только разговор с отцом развеет ее сомнения.

Приняв решение, Дара почувствовала себя намного лучше.

Когда Гер понял, что цыганка растворилась в толпе, он пошел к лестнице на второй этаж. Там была VIP-зона и много закрытых комнат. Везде стояла охрана, но перед Гером все расступались и без вопросов пропускали. Подойдя к одной из дверей, Гер лишь бросил на охранника недобрый взгляд, и тот открыл дверь перед ним.

– Заходи, Герман, – произнес вальяжно раскинувшийся на диване мужчина. Он был грузен, и на вид ему было сильно за пятьдесят. По обе стороны от него сидели совсем молоденькие девушки и потягивали из трубочек цветные коктейли.

– Здравствуй, Савелий.

Они обменялись рукопожатиями. Гер сел в кресло напротив.

– Выпьешь со мной? – видя, что Гер утвердительно кивнул, Савелий махнул рукой.

Уже через минуту в комнате появился официант и поставил на невысокий столик бутылку дорогого виски, бокалы и легкие закуски, а также еще два коктейля для девушек.

– Хорошо танцевала твоя цыганка, – отпив из бокала, произнес Савелий, – и пела, кстати, тоже хорошо. Где такую нашел?

– Дочка барона. С ее папой у нас непонятки происходят, вот дочку пока при себе и держу. Оказывается, не зря мой хлеб ест, может еще и гостей развлекать.

– Только не рассказывай мне, что тебе на такую куска хлеба жалко... – Савелий пристально посмотрел на Гера. – Обломать решил, понравилась она тебе.

– Присмирить, – Гер откинулся на спинку дивана, – не сможешь, кстати, ее найти? Боюсь, заблудится у тебя в клубе, дикая же она.

Савелий протянул руку к пульту, и на стене загорелся большой экран плоской панели монитора. Экран был разделен на квадратики, и в них можно было увидеть разные помещения клуба. Савелий нажал на кнопку перемотки назад, и, дойдя до момента, когда цыганка шла через толпу, оставил запись. Потом он увеличил квадратик того коридора, по которому она шла. А далее Гер почувствовал то, что никогда не чувствовал в своей жизни. Это была ревность – необъяснимая, дикая, животная. Он видел, как Дару впечатал в стену высокий красивый парень цыганской внешности, и она с ним целовалась. Бокал в руке у Гера треснул, но он даже не почувствовал боли. Запись была без звука. В комнате, после того как лопнул бокал в его руке, наступила полная тишина. И даже хихикающие девушки присмирели, чувствуя, что им лучше не привлекать к себе внимание.

Савелий с невозмутимым спокойствием долил себе виски и наполнил другой бокал, который протянул Герману. Гер взял бокал и только сейчас заметил, что его правая ладонь вся в крови, порезанная треснувшим стеклом. Он достал платок из кармана и, обмотав вокруг ладони, завязал его на узелок, затянув краешки платка зубами. Затем набрал телефон Ковало.

– Там цыгане в клубе. Увидишь их сам. Поймай их, хорошенько побей, только чтобы я это через камеры видел, и закрой в подвале. Ты ведь не против, Савелий?

Тот лишь безразлично пожал плечами. За столько лет он и не к таким выходкам Германа привык.

– Цыганка где? Приведи мне ее сюда.

Шандор почувствовал угрозу спинным мозгом. Его чутье никогда не подводило, поэтому он и считал себя везучим. После страстного поцелуя он, чувствуя недоброе, пошел к машине, набирая номер Рому, чтобы сказать ему, что нужно уезжать.

Они уже сели в машину, когда из клуба выбежали крепкие парни в одинаковых костюмах.

– Жми на газ! – крикнул Шандор.

Их машина стартовала с места. Шандор обернулся и увидел, что его люди успели запрыгнуть во вторую машину, а вот третью окружили.

– Наших бьют, – обернувшись и увидев, что из машины вытаскивают их ребят, сказал Рому.

– Хочешь им помочь? Я остановлю, можешь выйти и вернуться, – безразлично произнес Шандор.

Рому отвернулся и достал сигареты.

– Сами виноваты, живее нужно было в машину садиться, – философски произнес он, закуривая.

О том, что его людей избивают, Шандор забыл уже через несколько минут. Его воспоминания вернулись к Даре. Сладость ее губ он чувствовал и сейчас. Они были мягкими, горячими. Как же он давно хотел поцеловать ее. Только тогда было нельзя. Такое недопустимо с девушкой, а теперь всё можно. Теперь по отношению к Даре у него нет запретов и ограничений. Возбуждение сладко прошло по телу, и ширинка на штанах стала слишком выпуклой.

– Поедим – шлюх сними, – предложил он Рому. Тот повеселел и согласно кивнул.

Выйдя из туалета, Дара в сопровождении трех людей Ковало пошла по коридору. Пройдя шумный зал танцпола, где перед ее сопровождающими все расступались, она поднялась за ними по лестнице на второй этаж. Зайдя в комнату, Дара увидела Полонского и незнакомого ей мужчину, с которым были две девушки.

– Здраваться тебя не учили? – сухо сказал Полонский, окидывая ее ледяным взглядом.

Дара опять увидела перед собой прежнего Гера, того, кого она так боялась.

– Здравствуйте, – тихо произнесла она и робко бросила взгляд на незнакомого мужчину.

– Здравствуй, красавица. Хорошо поешь, порадовала меня. Так сейчас уже не поют... с душой. Присаживайся. В ногах правды нет, – Савелий небрежным жестом указал ей на диван напротив себя.

– Мне нельзя сидеть в присутствии мужчин.

Гер и Савелий замерли, осмысливая сказанное. Затем Савелий рассмеялся.

– Герман, поздравляю, ты нашел клад. Чтобы так воспитывали женщин в наше время – я и не знал, – потом он повернулся к Даре. – Присядь, я разрешаю. Ведь ты же должна слушаться старших.

– Да, – кивнула Дара и, неуверенно подойдя к дивану, села на его край.

– Что будешь пить? – Савелий с интересом рассматривал сидящую напротив него девушку. Он видел, что ее красота неискusstvenная, она действительно была красива природ-

ной красотой. – Мои девчонки коктейли предпочитают... может, ликера сладкого хочешь. Или шампанского?

– Можно воды? – Дара опять чувствовала этот жар внутри, ощущая на себе пристальный взгляд Полонского. Она ненавидела себя за это, но ничего не могла поделать. Его присутствие рядом заставляло ее чувствовать огонь внутри себя.

Через минуту в комнате появился официант и принес бутылку минеральной воды без газа. Официант элегантно налил Даре в бокал воды и тихо вышел из комнаты. Всё это время в пространстве висела гнетущая тишина. Даре казалось, что Полонский источает злость и гнев, только она не могла понять – почему. Она и так исполнила все его просьбы. Вырядилась во всё, что он хотел на ней видеть; поехала в клуб; пела и плясала для него, и теперь, нарушая все традиции, даже сидит за одним столом с мужчинами.

Она взяла бокал с водой и стала жадно пить из него, чувствуя, как вода приятно охлаждает.

– Что, поцелуй был настолько сладок? – сухо произнес Гер, смотря, как жадно пьет воду девушка.

Дара замерла и затем медленно поставила бокал на стол. Теперь она поняла, почему Гер источал злость, которую она физически ощущала. Все ее планы на попытку найти с ним контакт, чтобы попросить телефон, рухнули. Шандор так невовремя появился в ее жизни и всё еще больше усложнил, хотя и так всё непросто.

– Он лучше целуется, чем ты, – вырвалось у Дары. Настолько ей обидно стало: она ведь ни в чем не виновата, а всё вот так сложилось, что выхода теперь просто нет. Только эта глупая попытка сделать Геру больнее.

Гер почувствовал неприятный укол от слов девушки, хотя раньше такие слова его вообще не волновали. Но почему-то сейчас его это задело, хотя вида он не подал. Наверное, только Савелий понял это. Слишком хорошо он знал Полонского.

– Мы, пожалуй, пойдем, – сказал Савелий, вставая, – хочу поразвлечься с моими крошками. Да и вам не буду мешать в ваших семейных разборках.

От таких слов Дара вспыхнула, но промолчала. Не в ее воспитании было отвечать грубостью людям старшего возраста.

Гер никак не отреагировал на уход Савелия. Тишину после его ухода нарушил звук мобильного телефона. Поднеся трубку к уху, Гер молча выслушал говорившего, и нажал отбой. Всё это время он прожигал Дару ледяным взглядом.

– Девочка, я не терплю хамства, да еще когда это происходит при моих друзьях. Тебе придется извиниться за свое поведение, – Гер небрежным жестом стряхнул пепел с сигареты в пепельницу. – Итак, давай подумаем, что может компенсировать мне твое поведение... я думаю – хороший отсос.

Дара вспыхнула так, что ей казалось, будто ее уши воспламенились. Что это такое – она знала и видела в кино, и даже это обсуждала с подружками... но сделать такое самой, сделать это Геру.

– Убей меня! Лучше убей – я никогда этого не сделаю!

Дара вскочила с дивана и решительно направилась к двери.

– Тебя я убивать не буду, а вот их буду, причем медленно и долго. И ты будешь смотреть на это.

Дара открыла дверь и уже хотела выйти, не слушая того, что говорил Гер. Но дорогу ей преградили два охранника.

– Верните ее сюда, на диван.

Услышав приказ Полонского, охранники схватил Дару, и даже не чувствуя ее сопротивления, вернули в комнату и посадили на диван продолжая держать.

– Сама сидеть будешь или им держать тебя? – с надменной улыбкой спросил Гер.

– Сама, – Даре было неприятно чувствовать их руки на себе.

Гер кивнул, и охранники вышли из комнаты.

– А теперь давай вместе посмотрим небольшое кино. Возможно, многие из героев этого фильма тебе известны.

Дара непонимающе посмотрела на Гера, а потом перевела взгляд на включившийся экран панели телевизора на стене. Там беззвучно разворачивался сюжет практически боевика. Из машины вытаскивали парней и тащили их в сторону. Это была первая часть сюжета. Потом на экране появилась запись с другой камеры, уже в помещении. Теперь Дара смогла рассмотреть лица тех, кого поймали – это были люди Шандора. Она помнила их, они приезжали к отцу. Пойманных было четверо. Они пытались сопротивляться, но руки у них были связаны за спиной, и попытки были бесполезны. Дальше их начали бить, и хотя звука и не было, но Дара физически ощущала их боль, видя, с какой силой им наносятся удары.

– Хватит, пожалуйста! – она повернулась к Герману, понимая, что не в силах больше смотреть на избиение цыган. И пусть они из другого табора, но они свои, они цыгане.

Герман лишь надменно улыбнулся и опять стряхнул с сигареты пепел.

– Пожалуйста, скажи им, чтобы прекратили.

В порыве эмоций Дара встала и шагнула к ним.

– Ты знаешь, что должна сделать, чтобы попросить меня, – Герман откинулся на спинку дивана и демонстративно широко развел ноги.

Глава 9

Дверь в кабинет Мирчи резко открылась, и на пороге появилась Роза, достаточно объемная, чтобы заслонить собой весь проем.

– Твою Дару видели с Полонским! – выкрикнула Роза. – Она теперь с ним по клубам шляется.

– Замолчи! – Мирчи ударил кулаком по столу. – Кто дал тебе право говорить? Совсем распоясалась, забыла, как должна себя вести!

– Это твоя дочь распоясалась!

– Замолчи! – Мирчи опять ударил кулаком по столу, затем сурово спросил: – Откуда ты это знаешь?

– Из табора Шандора Люба звонила, ее сына схватили, говорит, убивать будут... плачет она... горе-то какое...

– Хватит! По делу говори.

Роза театрально протерла платком сухие глаза и продолжила:

– Сын Любы с Шандором в клубе был, они и видели там Дару. Говорит, и плясала она для него, и пела, а наряжена-то как была, как кукла...

– Как же сын Любы это говорит, если его схватили? – Мирчи знал, что его жена очень болтлива, и поэтому понять суть в ее рассказах всегда было очень сложно.

– Сына Любы схватили, это его друг говорит. Он в табор вернулся и всё всем рассказал – и про то, что сына Любы схватили и еще троих, и убивать их будут, и про Дару, как она на Полонском висла, ни на шаг от него не отходила...

– Хватит! Пошла отсюда.

Мирчи дождался, когда за Розой закроется дверь, и откинулся на спинку кресла. Затем, подумав, набрал номер Шандора. Ему было неприятно ему звонить, да и не барона это дело – звонить таким. Но речь шла о цыганах и его дочери.

– Здравствуй, Шандор. Что произошло, почему Люба из твоего табора говорит, что ее сына схватили и еще троих с ним? И где ты сам, пока твои люди захвачены?

Шандор снял со своего члена активно на нем прыгающую девушку и сел на кровати.

– Рад тебя слышать, барон. Это честь для меня – твой звонок и то, что ты интересуешься моими делами. Только вот что я тебе скажу: мои дела – это мои дела. И отчитываться я перед тобой не собираюсь.

– Речь идет о цыганах!

– Не лезь в мои дела. Это мои люди, и я сам с этим разберусь. Ты лучше со своей дочкой разберись, а то она совсем стыд потеряла – в ночные клубы ходит, пляшет, поет, Полонского потешает. Кстати, мое предложение еще в силе. Как наскучит она ему – я пока еще готов ее забрать себе.

Мирчи ненавидел Шандора за ту правду, которую он ему сказал, только вот от правды не уйдешь. Он нажал на кнопку отбоя связи и понял, что последняя его надежда рухнула. Он потерял свою дочь навсегда.

Роза, все это время подслушивающая под дверью, с ухмылкой потерла руки, понимая, что с Дарой покончено. Больше эта ненавистная девчонка не будет путаться у нее под ногами. Теперь у Мирчи есть их дочери и сын, им перейдут все деньги барона.

Ощущение безысходности было настолько сильным, что Даре казалось, она вдыхает её с воздухом. Безысходность. Ее жизнь стала такой, и все ее слабые попытки изменить это потерпели неудачу. Она смотрела на Гера, видела его холодный взгляд, надменную улыбку. А ведь она так хотела попытаться изменить происходящее, став немного другой. Она надеялась, что

если поменяется сама, то и Гер поменяется. Ведь не может же человек быть настолько жестоким? Или может... Там, на экране монитора, избивали цыган, тех, кто был с ней одной крови, и теперь их жизни зависели от нее.

– Пожалуйста, прекрати это, я сделаю то, что ты хочешь, – Дара так нервно теребила браслетик из бусинок на руке, что он порвался, и они рассыпались на ковре перед ней. Гер проследил их падение взглядом.

Он молча достал телефон и набрал номер.

– Хватит пока этих бить, сбавь обороты.

Сказав это, Гер положил телефон на столик перед собой и опять откинулся на диван. Дара видела, что цыган перестали бить.

– Ты их отпустишь?

– Посмотрим. Всё зависит от того, насколько ты сможешь меня порадовать.

Дара ненавидела его улыбку. Она выворачивала ее наизнанку, настолько надменно улыбался Гер.

– Отпусти их, и тогда я сделаю это.

– Ты не на рынке, чтобы со мной торговаться.

– Как я могу тебе верить?

– По-моему, ты сейчас испытываешь мое ангельское терпение, – Гер видел метание девушки, ее нервные движения, порванный браслетик из бусинок. Чувство жалости проскочило глубоко внутри. Он перевел взгляд с ее глаз на губы и понял, насколько хочет увидеть, как они обхватят его плоть. Все чувства ушли, оставляя лишь одно – всепоглощающее животное желание.

– Отпусти их, и я сделаю это, – повторила Дара, зная, что должна добиться для цыган свободы.

– Хорошо! Но твой обман дорого встанет твоему табору. Если ты не сдержишь сейчас своего слова, я пошлю людей, и они пожгут ваши дома.

Гер видел, как она побледнела. Он протянул руку к телефону и, набрав номер, произнес:

– Ковало, отпусти цыган. Да, прямо сейчас, просто отпусти.

– Как я могу тебе верить, что их отпустили?

– Мое терпение подошло к пределу. Я сейчас дам команду, и Ковало отправит людей поджечь коттеджи цыган в твоём поселке.

– Не надо!

Гер отшвырнул от себя телефон и стал расстегивать ремень на брюках. Дара, окаменев, следила за его движениями. Он расстегнул ремень, пуговицу, а затем и молнию.

Как же тяжело ей дались эти несколько шагов. Даре казалось, ее ноги налились свинцом, настолько нереально их было переставлять, приближаясь к Геру.

Встав между его разведенных ног, она замерла, перестав дышать.

Гер видел ее состояние и то, как она идет к нему, преодолевая себя. Он понимал, какая борьба сейчас идет внутри нее. А еще он осознал, что впервые в жизни ломать оказалось не так приятно. Вернее, ему это вообще не нравилось – ломать ее. Видя, что он смог и сломал, он впервые не ощущал удовольствия от победы. И он уже хотел прекратить это, не понимая, кому он делает больно – ей или себе. Но девушка опустилась перед ним на колени и провела язычком по своим губам. Он осознавал, что это не специально, только вот все его тормоза слетели, и он почувствовал волну цунами, которая его накрывает. Разум затмился, и осталось лишь желание – или это была страсть? Гер не знал, не понимал, что с ним происходит. Почему с этой цыганкой всё по-другому? Почему с ней всё по-настоящему – и боль, и удовольствие? Возможно, он привык жить в лживом мире, где всё пронизано ложью, даже отношения в постели. Всё было ложью, ложью ради денег, богатства, власти... Это был его мир, и он властвовал в нем.

Только вот с этой дикой девчонкой всё пошло не так. Она была слишком настоящей, слишком искренней во всем. Она не скрывала ненависти к нему и свой страх, она не лицемерила и не играла. Наверное, просто не умеет. Ее прямота, без кокетства, лести, заигрывания, выбивала Гера из привычного мира, и он впервые в жизни не понимал, что ему делать. Цыганка – кто она ему? Он вообще всех этих цыган и за людей-то не считает, так, сброд – наркоманы, воры и бродяги. И таково в современном обществе отношение к цыганам. Он тоже считал их такими. И еще он не понимал – почему барон считает, что это его земля? Как вообще этот сброд может считать, что им что-либо принадлежит? Гер знал, что мыслит так же, как и все. Цыгане – отбросы общества. Вот поэтому и эта бродяжка стала для него лишь способом удовлетворения его желаний, не более.

Только что-то пошло не так. Гера это бесило. Разумом он понимал, что девчонка задела в нем то, что за все его годы жизни ни одна из женщин не смогла задеть. Грязная цыганка из толпы попрошайек тронула в глубине его души ту струну, которую он оберегал от всех, так как считал, что чувства глупы. В современном мире нет смысла в чувствах. Зачем они нужны? У него всегда были деньги и власть, и он всегда покупал любовь. Так проще, так честнее. Ты платишь за ночь и получаешь ее. Зато утро остается за тобой. Оно не оплачено, и ты можешь спокойно сказать: «Детка, ты была хороша, но сейчас уходи». Прекрасная модель отношений. Она его устраивала. И вдруг из-за этой цыганки всё дало сбой. Она так и не покорилась ему. Она не играла, она искренна в своей ненависти к нему. Даже сейчас, стоя перед ним на коленях и пытаясь сдержать слезы, она источала ненависть.

Гер ощутил себя нацистом из гестапо, и это сравнение его даже повеселило. Глупость какая! Чтобы заглушить в себе совесть, он достал свой член из расстегнутой ширинки и провел по нему рукой. И еще его бесило в ней то, что она его возбуждала. Он давно за собой такой страсти не наблюдал. Почему она? Ведь это вообще не его типаж женщин? Высокие блондинки модельной внешности – вот это его тип. А эта...

Гер не хотел больше думать.

– Детка, возьми его в ротик... только держи свои зубки при себе, иначе можешь остаться без них.

Дара знала, что она должна просто пережить сегодняшний вечер. Значит, нужно это сделать, и чем быстрее она это сделает, тем раньше всё это закончится.

Как глупо всё происходит в ее жизни. Вот сейчас она стоит на коленях перед тем, кого готова убить собственными руками, и не может его убить. Наоборот, она должна доставить ему удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.